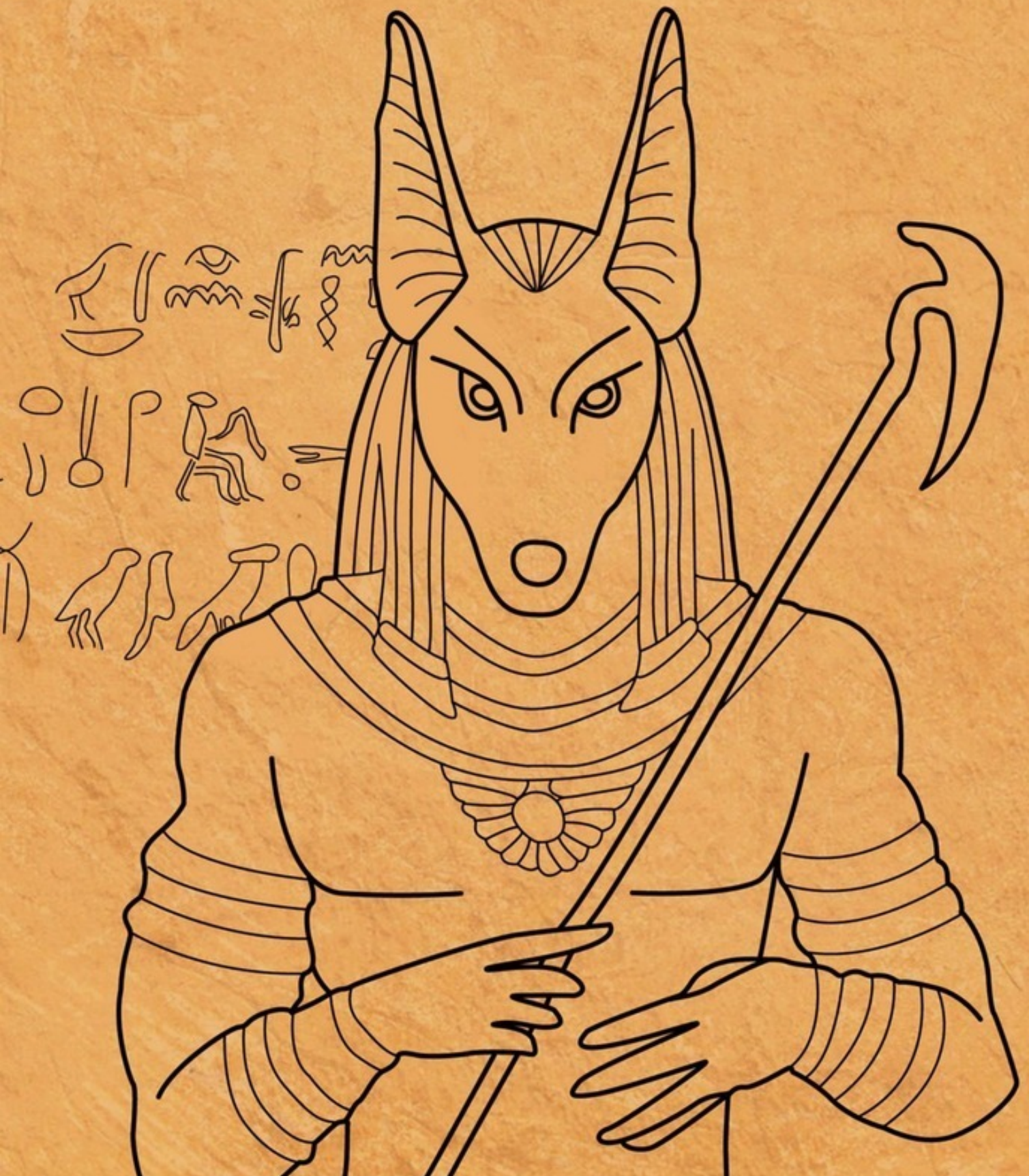

Анна Чернышева

Чужие боги

Анна Чернышева

Чужие боги

«Издательские решения»

Чернышева А.

Чужие боги / А. Чернышева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932497-9

Роман «Чужие боги» — смесь историко-приключенческого и мистического жанров. Книга рассчитана на широкую аудиторию, будет интересна и молодежи, и старшему поколению, предпочитающему историческую литературу. В романе ярко выражена любовная линия, а также увлекательные фантастические приключения.

ISBN 978-5-44-932497-9

© Чернышева А.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	19
Глава третья	24
Глава четвёртая	29
Глава пятая	36
Глава шестая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Чужие боги

Анна Чернышева

© Анна Чернышева, 2018

ISBN 978-5-4493-2497-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая ПОД СОЛНЦЕМ ЕГИПТА

Словарь

Абидос. Город в Верхнем Египте, служивший некрополем со времён первых династий. Там, по преданию, было похоронено сердце Осириса. Хотя, по мифу, жена Исида все части мужа собрала когда-то! Копии остались! Там сохранились уникальные памятники Египта, то есть храмы и гробницы, найденные археологами и показывающие богатую египетскую культуру, например, их знания по астрономии.

– Апис. Бог в облике быка, считался быком Осириса. На известных изображениях между его рогов часто помещён солнечный диск. Он был самым главным богом плодородия. Аписа почитали с глубокой древности, центром его культа был Мемфис. В реальной жизни воплощением Аписа являлись чёрные быки с особыми белыми отметинами. Корова, от которой родился такой бык, тоже почиталась и содержалась в особом здании. Когда какой-либо бык умирал, это считалось большим несчастьем. Умершего Аписа бальзамировали и хоронили по особому ритуалу в специальном склепе Серапеуме около Мемфиса. Так что, как говорится, не родись красивым, а родись быком! Аписом, разумеется...

– Ахемениды. Династия в Иране, правившая больше двух столетий. Первым был Кир, поднявший восстание против мидян и свергнувший с престола своего деда Астиага. А нечего было дочку за перса отдавать! Тем более и сон был, что из живота дочери Астиага Манданы (точнее, чуть ниже) дерево выросло, покрывшее всю Азию. И сказали мудрые жрецы Астиагу, что внук его власть захватит... Впрочем, дедушка внука погубить пытался и мальчика бросили на горе, но волки его в обиду не дали, а затем какой-то пастух нашёл и воспитал. Мидяне и персы были очень близки и герою романа мидийский язык учить было не надо. Скорее всего, это два диалекта одного языка. До Кира Ахемениды правили в юго-западном Иране как вассальные цари примерно с 7 века до нашей эры и считали своим предком Ахемена. Своего расцвета персидская империя Ахеменидов достигла при Дарии. Последний представитель династии Артаксеркс погиб в Бактрии после вторжения армии Александра Македонского.

– Шеду. Духи-хранители дворцовых ворот в виде крылатых быков или львов с человеческой головой. Часто делались пятиногими: пятая нога для смотрящего на изображение создавала иллюзию шага по направлению к зрителю. Так сказать, древняя страшилка... В романе мальчика так называли, чтобы, когда вырастет, вероятно, боялись! Или древняя магия имён – опасных духов отпугивать...

– Экбатаны. Древняя столица Мидии, основанная царём Киаксаром в конце 7 века до н. э. Кстати, свою дочь Амитиду он отдал замуж за вавилонского царя Навуходоносора и тот построил своей жене, выросшей в горах, знаменитые «висячие сады Семирамиды». Город Экбатаны существует и сейчас, он называется Хамадан.

– Осирис. Самый популярный бог египетского пантеона. Считается в религиоведении богом «умирающей и воскрешающей растительности», богом плодородия. Был предательски убит своим братом Сетом, обманом уговорившим лечь Осириса в богато украшенный сундук, который он бросил в Нил. Вернее, саркофаг... Сам виноват, нечего раньше смерти в гроб

ложиться! Плохая примета... А когда жена Осириса Исида нашла сундук, то он, извините, разрубил тело Осириса на 14 частей и раскидал по всему Египту! Исида снова собрала эти части и с помощью Анубиса соединила снова, а затем с помощью магии зачала от мёртвого мужа сына Гора. Сам же Осирис после своего воскрешения ушёл в царство мёртвых, ибо, наверно, обиделся на родственников, где и стал им править. Живой фараон считался в Египте Гором, а мёртвый Осирисом. Интересно, что в новом царстве все египтяне после смерти считались «Осирисами», такая произошла удивительная демократизация. Как повелитель загробного мира, он ещё именовался «Владыкой двух истин» – по залу, где проходил суд над душой умершего. Путь в царство мёртвых вёл по подземному океану, отсюда ладья в мыслях Арсама. Хотя в зороастрийский рай надо пройти по мосту Чинват над огненной рекой, а встречает душу умершего прекрасная дева. Дева – это хорошо!

– Ро-Сетау. Понятие «РО СЕТАУ» часто применяется по отношению к Гизе и традиционно переводится как «кладбище», имеет и более специфическое значение «подземные пути». Так же так назывался «Дом Осириса», он – его владыка. Памятуя о своих усопших родственниках, египтяне после празднества приходили к ущелью Пега, к юго-западу от храма Осириса, от которого начинался Ро-Сетау – путь в загробный мир. Напомню, что у греков было три пути в загробный мир, и все всем известные. Это мы не знаем, как туда добираться! Некий А. Драгункин считает, что Ро-Сетау – это наш древний Ростов, расположенный, понятное дело, к северу от Египта, а Север в мифологии обычно ещё и царство мёртвых. Все подобные теории нельзя отбрасывать, как говорится, с порога. Слишком много накопилось необычных фактов, показывающих индоевропейские корни египетской «элиты»...

– Чертог двух Истин. Назывался также залом богини Маат. Существовало представление о двух сёстрах Маат, отсюда и название зала. Здесь совершался суд над душой умершего, на котором присутствовали такие боги, как Осирис, Анубис, Исида, Нефтида и другие боги. На весы клали сердце умершего и на другую чашу статуэтку Маат. Если весы уравнивались, то душа считалась оправданной и попадала в египетский рай Иару. Лишь бы весы не барахлили! А то вдруг станешь жертвой неправильного взвешивания и лишишься рая...

– Уннефер. Одно из имён Осириса, означающее «добрый, красивый». Для египтян это были синонимы! Отсюда, кстати, и известное в России имя Онуфрий, сейчас уже не встречающееся. Заметим, что у нас есть и другие египетские имена, самые что ни на есть народные – Таисия, Пахом, Сусанна, Сидор. Сидоровы носят египетскую фамилию, не зная об этом! В отличие от Ивановых и Петровых...

10. Номарх. Правитель нома, или провинции, лидер провинциальной аристократии, наделённый властью администратора, судьи и верховного жреца почитаемого в номе божества. При строго централизованной власти Древнего царства номархи назначались царём, но, начиная с 6 династии, оно обрели значительную независимость и стали передавать свой титул по наследству. В период среднего царства роль номархов стала постепенно уменьшаться. В Новое царство номархи потеряли независимую власть, хотя должность и титул сохранялись до конца династической эры.

– Камбиз. Персидский царь, сын великого завоевателя Кира. Правил в 529—522гг. до н. э. Захватил Египет в 525 г. до н. э., разгромив армию египетского фараона Псамметиха Третьего благодаря измене командующего египетским флотом Уджагорресента. Потерпел неудачу в ливийском походе, когда его армия была засыпана во время песчаной бури. Её остатки найдены были в конце прошлого века. Узнав о восстании Бардии в Персии, отправился

домой и во время пути погиб. По официальной версии, порезался о собственный кинжал! Осторожнее надо обращаться с острыми предметами!

– Мемфис. Расположенный недалеко от современного Каира, Мемфис был столицей египетского государства с 3 по 6 династию, в течение самого блистательного периода в истории Древнего царства. Он был основан в самом начале правления I династии, получив название «Город белых стен». При правлении Пепи I новая царская резиденция получила название Менефер, «Хорошая гавань», которое позднее было преобразовано греками в Мемфис. Местоположение Мемфиса позволяло держать под контролем и Дельту, и Долину и захвативший город мог считать, что он захватил весь Египет. Когда Камбиз взял Мемфис, фараон Псамметих III совершил самоубийство.

– Фивы. В период так называемого Первого Переходного периода Фивы стали столицей независимого нома, а во время Среднего царства столицей всего Египта. Для всего древнего мира это был город легенд и чудес из-за его богатства, важности и целого комплекса уникальных зданий. Его Карнакский и Луксорский храмовые ансамбли были крупнейшими сооружениями мира вплоть до нового времени. На западном берегу Нила находился город мёртвых с гробницами фараонов и египетской знати. Позднее центры Египта переместились в Дельту, а Фивам остались храмы и славное прошлое. В 664 году до н. э. Фивы были разграблены и сожжены ассирийцами. За свои четыре ворота греки прозвали их «стовратными», чтобы, понятное дело, отличать их от своих «семивратных» с одними воротами!

– Анубис. В египетской мифологии бог – покровитель умерших; почитался в образе лежащего шакала чёрного цвета или дикой собаки Саб, или в виде человека с головой шакала или собаки. Считался судьёй богов. Центром культа Анубиса был город 17-го нома Каса, названный греками Кинополь, «город собаки», однако его почитание рано распространилось по всему Египту. В подземном мире он считал сердца умерших, уступив власть в этом мире Осирису. Анубис был богом бальзамирования и жрец, осуществлявший этот процесс, надевал маску Анубиса. Анубис перебрался позднее и в христианство, святой Христофор изображался на иконах до 17 века с собачьей головой. Такие иконы позднее уничтожались православной церковью, но сохранились в музеях, в том числе сибирских.

– Нут. В египетской мифологии богиня неба. Дочь Шу и Тефнут, жена бога земли Геба. Дети Нут – звёзды, которых она ежедневно проглатывает и снова рождает, – так происходит смена дня и ночи. Детями Нут являются Осирис, Сет, Исида и Нефтида. Она поднимает умерших на небо и охраняет их гробницы. Хотя, напомним, души умерших также уходят в подземное царство Дуат на Западе. Египтян такие мелочи не смущали... Куда-нибудь, как Алиса у Кэрролла, всё равно попадёшь! Изображение Нут, с любовью смотрящей на мумию, часто помещалось на внутренней крышке саркофага.

– Ахунвар. Древний вариант Ахуна-Варья, – главная зороастрийская молитва, названная так по начальным словам – «как Господь наилучший». Примерно то же, что для христиан «Отче наш».

– Ибис. Священная птица бога Тота, также как и павиан. Сам Тот обычно изображался в виде человека с головой ибиса.

– Себек. В египетской мифологии бог воды и разлива Нила. Его священное животное – крокодил. Сам Себек изображался в виде человека, крокодила или человека с головой кроко-

дила. В Файюмском оазисе был город Крокодилополь, центр его почитания. А в самом озере жили священные крокодилы с золотыми кольцами. Кормили их хорошо, чем не жизнь? После смерти некоторых мумифицировали. Такому крокодилу жрецы чуть не скормили Таис, героиню романа И. А. Ефремова «Таис Афинская». Понятно, что экономить надо собственные продукты! Интересно, заплакали бы они, крокодилы, потом над девушкой? Себек считался защитником людей и богов, но иногда врагом Ра и Осириса.

– Бэс. В египетской мифологии божество, охраняющее человека от бедствий, покровитель семьи. Египтяне верили, что Бэс изгоняет злых духов, помогает при родах. Изображался в виде карлика, кривонногого, с широким уродливым бородатым лицом, искажённом гримасой. Считалось, что уродство Бэса отпугивает злых духов. Амулеты в виде Бэса пользовались огромной популярностью и их находят в Северном Причерноморье, на Урале и в Сибири. Например, на недалёком от нас Алтае. Интересно, а наш «бес» не связан ли родством с египетским? Может быть...

– Вавилон. Самый прославленный город Месопотамии и один из самых знаменитых городов древности. Благодаря Библии он стал символом человеческой гордыни (легенда о Вавилонской башне), смешения народов и олицетворение разных пороков («Вавилонская блудница»). Что ни крупный город, то блудница! Как сейчас наша родная Москва... В переводе же означает очень красиво – «ворота бога» и был основан ещё древними шумерами. Был столицей прославленного своими законами царя Хаммурапи, а своего расцвета достиг при царе Навуходоносоре в 6 веке до н. э. Был захвачен в 539 году персидским царём Киром и постепенно терял своё значение, особенно после ряда восстаний. А ведь жрецы сдали город без боя. Поздно спохватились! Впрочем, во времена Ахеменидов город считался одной из столиц, наряду с Сузами, Персеполем и иногда Экбатанами. Город хотел сделать столицей своей империи Александр Македонский, но умер там и Вавилон постепенно превратился в руины. Местные крестьяне растащили его стены и здания для своих построек. Город, кстати, был многократно проклят в Библии, где и было предсказано его последующее запустение... С богом Яхве и его народом лучше не связываться...

– Пасаргады. Город, построенный Киром и его столица. Там же расположена гробница Кира и проходил обряд коронации персидских царей, которые одевались в его одежды и вкушали крестьянскую пищу. Хорошо, заметим, шили в древние времена... Позднее столицей стал Персеполь, а Пасаргады остались священным городом царских гробниц.

– Сарды. Столица древней Лидии, захвачена персами по легковерию её последнего царя Креза. На обращение к дельфийскому оракулу последний сказал, что в случае войны Крез «великое царство разрушит». Оказалось, что они говорили о его собственном царстве! Впрочем, если бы он победил, то тогда речь бы шла о царстве персов! Умный был оракул, ничего не скажешь... Сам же город был захвачен, в общем, случайно. Он считался неприступным, но у одного лидийского воина шлем упал и он спокойно спустился за ним со скалы. Это заметили персы и ночью там поднялись. Вот так один скупердяй и погубил Лидию! Иначе персы бы ушли и оракул бы всё-таки ошибся!

– Кирсимат. Один из городов древнего Ирана (см.)

– Иран – древнее название Персии с многочисленными городами, например, Кирсиматом (см.)

– Город мёртвых – явление Нового царства. Так называлась долина на западном берегу Нила (Запад и смерть связаны между собой в древних мифологиях), где в скалах высекались гробницы фараонов. Раньше были пирамиды, которые, вероятно, труднее было охранять и развелось невиданное количество воров, включая и самих строителей! Впрочем, и в городе мёртвых были ограблены все гробницы, за исключением юного Тутанхамона. Хоть тут ему повезло... Сам же номарх такой город не мог бы себе построить, а только скальную гробницу. Впрочем, действие романа происходит в 6 веке до н. э., когда многие древние традиции были забыты и фактически Египет находился в состоянии полухаоса, и тогда номархи могли себе позволить выстаивать собственный «город мёртвых».

– Шаи. В египетской мифологии бог виноградной лозы. С образом Шаи связаны представления о довольстве, изобилии, богатстве. Имя Шаи часто встречается в добрых пожеланиях. Впоследствии Шаи стал божеством судьбы, определяющим срок человеческой жизни.

– Таит. В египетской мифологии богиня ткачества. Покровительствовала ткачам, охраняла одежды богов (их статуй в храмах), царей и мёртвых.

– Сет. В египетской мифологии брат Осириса и его убийца, олицетворение злого начала. Изображался человеком с головой осла. Священными животными Сета были свинья, антилопа, жираф. После смерти Осириса начал борьбу за власть с сыном Осириса Хором, которая продолжалась долго и закончилась по решению богов её разделением по времени (время Сета, – это 50 дней, когда дует из пустыни ветер хамсин) и пространстве. Сету принадлежит пустыня. Но Сету и поклонялись, фараоны Нового царства часто носили его имя. Он также считался богом чужеземцев. Кстати, в одной из схваток с Хором последний откусил ему, как деликатно выражаются учёные, «его мужское начало», а Сет вырвал и проглотил глаз Хора. Да ещё разрезал на 64 части! Вспомним, что брата Осириса разрубил на 14 частей. Озлилось явно божество! Мне кажется, что Сет пострадал больше, ибо глаза два, а «мужское начало» одно! Тем более, что мудрый бог Тот глаз собрал, а Хор дал его проглотить отцу и последний воскрес... Универсальный глаз! Позднее Сет у Хора оба глаза вырвал, так сказать, любимое его занятие, но из этих глаз выросли цветы лотоса... Так что всё на пользу Египта шло, даже борьба двух богов...

– Дуат. В египетской мифологии место, где пребывали умершие, преисподняя «Совсем глубокая, совсем тёмная и бесконечная». Иероглиф Дуата – круг со звездой в центре. В «Текстах пирамид» Дуат изображался в образе женщины-матери умерших, которых она ведёт на небо. Представление о Дуате как подземном мире где-то на западе появилось позднее, скорее всего, в период Среднего царства.

– Фараон. Так образно называли правителей Египта, это несколько искажённый греческий вариант от египетского слова «Пер-О», что означает «Большой Дом». Сравните с нашими выражениями, такими, как «Белый дом» в отношении американских президентов. Имя фараона считалось запретным для произношения, а при упоминании фараона добавлялась ритуальная формула – «Жизнь, Здоровье, Сила»... Охранял фараона «урей» – корона с головой кобры, испепеляющей возможного врага. В повести Вс. Некрасова «Приключения капитана Врунгеля» Фукс попытался отколоть кусочек саркофага и вернулся на «Беду» с синяком под глазом, и объяснил, что это фараон его стукнул. Он же мёртвый, – удивился Врунгель. Живёхонек, вот их целый отряд идёт... Фараонами сначала в Англии, а затем в Египте 20 века стали звать полицейских. Вот она, связь времён!

– Ахриман. Правильнее Ангро-Манью, есть также привычный европейский вариант Ариман. Противостоящий Ахурамазде бог зла, создавший вредных насекомых, придумавший войну, жертвоприношения животных, зиму, колдовство и другие виды зла. В поздней иранской мифологии брат-близнец Ахурамазды. Война двух богов когда-то завершится победой Ахурамазды, но люди должны этому помогать своей праведной жизнью. Заодно и рай себе обеспечивая. Так что есть смысл Ормузда поддерживать, давя, например, разных вредных насекомых и заботясь особенно о собаках. Собака в зороастризме, она ведь почти человек! Так что подобрал бездомную собаку и сколько грехов простится, не сосчитать! Надо надеяться, что после прочтения данной книги бродячие собаки в нашем городе исчезнут, разойдись по рукам...

– Ахура-Мазда. Есть пришедший через греков вариант – Ормузд. Во многих древних религиях имя бога было запрещено к произношению и осталось неизвестным! Ахура-Мазда означает «Мудрый Бог». Он создал всё лучшее в мире, например, домашний скот, лето, семью. В честь Ормузда жрецы носили белые одежды и возносили молитвы пять раз в день, а его сторонники носили специальные пояса. Учёные считают, что учение об Ормузде и Аримане отразилось в славянском язычестве, где есть сказания о Чёрнобоге и Белобоге.

– Ра. В египетской мифологии бог солнца. Центр его культа – горд Гелиополь (древнеегипетский Иуну). Воплощался в образе сокола, иногда огромного кота или человека с головой сокола. Ему ставили в Египте четырёхгранные обелиски, перешедшие позднее в европейскую и русскую культуры. Ра считался богом дневного солнца, как Хепри утреннего, а Атум вечернего. Считался также создателем мира и людей, отцом богов и отцом фараона, хотя живой фараон именовался Гором, а мёртвый Осирисом. У него были дочери, помогающие ему бороться с его врагами, – Сехмет, Тefнунт, Хатор. Дочери, получается, надёжнее сыновей, что, может, и правильно! Тем более все три очень умело в злых львиц перевоплощались... Дочь Ра Маат – богиня справедливости. В своей ночной барке сражается с Апопом, причём один раз был спасен Сетом. Даже враг может иногда пригодиться!

– Хатхор. Дочь Ра Хатхор («дом Хора», египетское слова «хат» так похоже на нашу хату!) или Хатор в египетской мифологии богиня неба. Изображалась в виде коровы, родившей солнце. С возвышением бога Ра стала считаться его дочерью, солнечным оком и изображаться в виде львицы. Почиталась также как богиня веселья, любви, радости, музыки, пляски. Её называли часто «золотая». Но она же вместе с богиней Таурт (очень симпатичная бегемотиха, иногда с головой львицы) встречает умерших на пороге подземного царства.

– Тот. В египетской мифологии бог мудрости, счёта и письма. Женой Тота считалась богиня истины и порядка Маат. Священными животными Тота были ибис и павиан, а сам он обычно изображался в виде человека с головой ибиса. Как бог луны, он вёл счёт дням, месяцам, году. Он создал письменность и научил людей счёту и письму. Писцы считали его своим покровителем. Ему приписывалось создание «Книги мёртвых», где он часто изображался около весов, записывающим результат взвешивания сердца умершего. Как и Анубис, Тот участвовал в обряде бальзамирования. Даже Осирис, Исида, Нефтида и Сет обязаны ему своим рождением, так как он выиграл пять дней в игре с Луной пять дней и благодаря этому родились данная четвёрка и Хор (другой, не путать с сыном Исиды!). Вот к чему приводят азартные игры! Временами от них и польза бывает...

– Бастет. В египетской мифологии богиня с головой кошки, охраняющая Дельту. Центром её почитания был город Бубастис. Считалась также богиней радости и веселья. На её праздниках египтяне выпивали море вина, бесплатно выдаваемого жрецами и поэтому, само

собой, «доходя до кондиции». Жрецы египетские понимали, как привлечь к себе любовь народа! Жаль, что в современной России нет такой богини! Хотя кошек, понятное дело, очень даже хватает...

– Скарабей – Хеперер. Это маленькое создание было связано египтянами с величественным богом-солнцем и стало символом возрождения. Самка скарабея откладывает яйца в шарики навоза, которые она затем катит перед собой по пыли и песку, пока они не станут такого же размера, как она сама. Для стороннего наблюдателя этот процесс походил на то, как бог Ра катит солнечный диск по небосводу. Кроме того, из этого шара появляются маленькие жуки, служа наглядной метафорой сотворения богом жизни на земле. Скарабей считался священным символом, и в Древнем Египте были созданы миллионы его изображений. Их носили как на шее, так и на кольцах. Скарабеев закладывали между слоями ткани египетских мумий. Отождествлялся скарабей также с богом утреннего солнца Хепри, в романе Хеперер.

– Бардия. Младший брат Камбиза, участвовавший в египетском походе. Затем был отослан в Персию и там тайно убит по приказу Камбиза. Хотя обычно считается, что он правил Бактрией и уже там произошло эта расправа. Родной брат на древнем Востоке, – это прямо какой-то гвоздь в сапоге! Всё время мешаешь уже своим существованием... Но в 522 году Бардия захватил там власть. Возможно, что это был первый в истории самозванец, «Лжебардия», за которым скрывался маг Гаумата. Историки до сих пор об этом спорят! Понятное дело, такая очень важная проблема...

– Дарий. Персидский царь, правивший в 522—486 гг. до н. э. В результате его заговора «Бардия» был убит, а затем семь знатных персов бросили жребий, определявший будущего царя. Чья лошадь первой заржёт на рассвете, тот им и станет! Умная лошадь Дария заржала первой... Говорят, что ей показали тайком жеребца, а какая кобыла умолчит при этом от радости! Дарий позднее потерпел поражение в Греции, – знаменитое Марафонское сражение. Но особенно от этого не страдал, – небольшое поражение небольшого отряда в маленькой стране на окраине его огромной империи. Греки же гордились победой многие столетия и до сих пор на олимпийских играх для его участников есть «марафонский бег»

– Апоп. Гигантский змей, живущий в глубинах небесного Нила. Вечный враг бога солнца Ра. Каждую ночь он вступал в схватку с Ра, плывущим в своей небесной ладье, и от этого сражения зависело, взойдёт ли снова солнце на следующий день. Ясное дело, что Ра постоянно побеждает и мы не сидим поэтому в темноте, но египтяне в этом не были уверены и жрецы возносили ночью специальные заклинания, помогающие победе. Вернее, с восходом зари Апоп обращался в бегство, боясь солнца, как современный вампир.

– Анупу, Бата. Герои египетской сказки, где есть неверная жена, пытающаяся погубить Бату. Перед этим Бата отказался от любви своей золовки и, естественно, разгневанная женщина попыталась его погубить. И зачем только упирался, ведь всем было бы хорошо... Бата себя оскопил для доказательства своей невиновности. И поэтому бог Хнум изготовил для него жену! Вероятно, чёрный юмор такой божественный... Новая жена тоже расправилась с мужем, ибо вышла замуж за фараона. Не тут-то было! Бата возрождается снова сначала в виде быка, потом дерева, а затем от проглоченной щепочки заново рождается и, когда вырос, сам рассчитался за всё со своей, так сказать, «мамой». Очень популярная в древнем Египте сказка с рядом эпизодов, поразительно напоминающих русские сказки.

– Аммат. Чудовище с головой крокодила, лапами льва и телом бегемота присутствовало в Зале Двух Истин на подземном суде над душой умершего. Процесс назывался ещё психостасией, то есть взвешиванием души на весах богини истины Маат. Взвешивалось сердце и если грехи человека перевешивали, то Аммат съедала душу умершего. Это так называемая «Вторая смерть», которой очень боялись египтяне. До этого душа отвечала на 42 вопроса, утверждая, что её владелец не лгал, не воровал и так далее. Отсюда и магическая шпаргалка, называемая «Книгой мёртвых». Кстати, египтяне поэтому были народом добрым, в отличие от своих соседей. В романе раб Арсам только периодически заковывается цепями. Что бы с рабом за подобное поведение сделали те же персы или греки! Представьте сами...

– Ка. Одно из самых загадочных явлений Египта, обычно называемое «душа». Жизненная сила и двойник человека, рождается с ним и остаётся после смерти. Ка продолжает существовать, если есть мумия умершего и его изображение, отсюда статуи в египетских гробницах. С Ка можно беседовать и самому человеку при жизни, и его родственникам после смерти. Как в нашей песне, – «тихо сам с собою я веду беседу»... Вероятно, Ка могла и что-то умное посоветовать! Обитая в гробнице, Ка могло покидать её и устремляться в загробный мир. А ведь у египтян были и другие души, например, ба покидала тело и улетало на небо в виде птицы. Были ещё так называемая ах, да ещё душа – имя, душа – тень. Хорошо, в общем, было египтянам, а то у нас с вами всего по одной душе! И которой, к тому же, явно рай не светит!

– Хеку, Хека. Египетская богиня плодородия. Её священное животное – лягушка. Изображалась в виде лягушки или женщины с головой лягушки. Хекет помогала роженицам, в загробном мире – умершим. Подобно Хнуму, она сотворила людей. Всё успевали делать египетские боги, в отличие от других народов с узкой божественной специализацией...

– Псамметих Третий. Последний фараон саисской династии. Пришёл к власти после смерти своего отца Амасия незадолго до вторжения персов. Находился сначала в почётном плену в Мемфисе, а после возвращения Камбиза из неудачного ливийского похода был казнён. Есть также вариант его самоубийства после взятия Мемфиса. Само же сражение с Камбизом было проиграно, говорят, благодаря кошкам на щитах персидских воинов. Египетские лучники стрелять не стали и в результате египтяне потеряли главную крепость Пелусий. Да лучше жизнь отдать, чем кошечку случайно ранить! Как египтян не понять...

– Сешат. Дочь или сестра (жена) Тота, богиня письма. Изображалась женщиной в шкуре пантеры, накинутой поверх рубашки, с семиконечной звездой на голове. Сешат – глава «дома жизни», то есть собрания рукописей, архива, на листьях дерева «шед» (её фетиша) она записывает годы жизни и правления фараона, а позднее и всех египтян, ведаёт искусством счёта, составлением строительных планов. Эх, договориться бы с богиней, чтобы приписала десятка два лишних годов на личном листике, чтобы подольше на дереве держался, да как до неё добраться? Хотя сейчас есть и что предложить в качестве взятки, например, духи «Шанель»...

– Гор, точнее Хор. Божество, воплощённое в соколе, изображался в виде человека с головой сокола или крылатого солнца. Сын Исида, выступает как мститель за своего отца Осириса. После смерти Осириса Исида скрывается с младенцем Гором в Дельте и её часто изображали с младенцем на руках. Позднее этот образ станет христианской мадонной и вплоть до 16 века иногда, по ошибке, христиане молились Исиде! Кстати, Осирис ожил после того, как проглотил око своего сына! Сколько же ему пришлось ждать... Впрочем, есть версия его оживления сразу после мумификации, проведённой богом Анубисом. Прямо ожившая мумия из известного фильма! Отношение же его с матерью временами были сложные и как-то он ей

даже голову отрубил в приступе раздражения. Довела женщина! К счастью, бог Тот приставил Исиде коровью голову, – вовремя подвернулось несчастное животное!.. Коровьи рога Исида сохранила и носила с удовольствием и позднее, вернувшись в нормальный облик.

– Золотой век. В Египте это время правления богов, позднее уступивших власть земным богам – фараонам. Это правление продолжалось десятки тысяч лет, что радует сторонников существования древней Атлантиды и ещё больше верящих в космических пришельцев! В Новое царство Золотым веком считалось также время правления 12 династии Среднего царства. Так что у египтян их было два, а у нас только Киевская Русь. Да и то только при Владимире и Ярославе...

– Уджагорресент. Предатель, перешедший на сторону Камбиза и открывший финикийцам проходы в Дельте. Предатель есть предатель, даже имя какое противное! Но в истории сохранилось, а что ещё надо для обретения такого бессмертия...

– Тефнут. В египетской мифологии богиня влаги. Её земное воплощение – львица. Тефнут – дочь Ра, его любимое Око. Когда Ра утром всходит над горизонтом, Тефнут огненным оком сияет у него на лбу и сжигает врагов великого бога. Когда-то она поссорилась с отцом и разгневанная Тефнут удалилась в Нубию, и в Египте наступила засуха, и только посланный Ра бог Тот в виде павиана рассмешил богиню и уговорил её вернуться в Египет. С возвращением Тефнут египтяне связывали начало разлива Нила и это был великий их праздник. Хотя по другому варианту, разлив начинался от слёз Исиды, оплакивающей Осириса. Вообще у египтян их глаза охотно покидали своих хозяев, чтобы начать самостоятельное существование. Боги же, их лишившись, с лёгкостью обретали новые... У нас же у Гоголя только нос покинул владельца, и то сколько проблем было... Учиться всем нам надо у египтян...

– Априй. Египетский фараон, правивший в начале 6 века. Сын Псамметиха II, последний из египетских фараонов, попытавшийся восстановить могущество Египта и совершивший неудачный поход на север. Он захватил Финикию и подошёл на помощь осаждённому вавилонянами Иерусалиму, но затем отступил и Иерусалим был захвачен. Начался «вавилонский плен» древних евреев, продолжавшийся почти 60 лет. Вернуться евреям в Палестину разрешил Кир. Главной опорой Априя были греческие наёмники, что вызвало недовольство египтян. Родственник Априя Амасис (Яхмос) совершил переворот и захватил власть, в последующей борьбе Априй погиб. Амасис же правил почти сорок лет и умер в 526 году, незадолго до вторжения Камбиса. Проживи он подольше, может, Египет бы и устоял. Смена власти на Востоке всегда время очень опасное...

– Авеста. Священная книга зороастризма. Её составление приписывается знаменитому пророку Заратустре или, в греческом варианте, Зороастру. Древнейшая её часть, так называемые Гаты, хранилась в устной традиции и были записаны в раннее средневековье. Сохранились также средневековые комментарии к Авесте, например, «Вендидад» («Кодекс, данный против дэвов»). Есть там и гимны божествам, называемые Яшты. В целом сохранилась только часть данной священной книги, отсюда многочисленные загадки Авесты. Хотя учёные и писатели легко восстанавливают по ней богатую иранскую мифологию. Религиоведы отмечают явное влияние зороастризма на христианство, в частности оттуда семёрка высших ангелов и нечистой силы. Иранский Аишма стал, например, крупным чёртом Асмодеем...

– Сфинкс. Это название может происходить от египетского словосочетания «шесеп анх» («живой образ»). Первой и самой знаменитой из подобных статуй является статуя Вели-

кого Сфинкса в Гизе, вырубленная из монолитной скалы и имеющая длину около 60 метров. Она имеет тело льва и человеческую голову, чей головной убор указывает на царское достоинство. Фигура сфинкса охраняет погребальный комплекс фараона Хафра. Нет никаких свидетельств, указывающих на то, что сам сфинкс был объектом поклонения, хотя вокруг него складывались всевозможные легенды и истории. В Новое царство многие фараоны приказывали изготавливать сфинксов, иногда целыми аллеями. Два таких сфинкса фараона Аменхотепа III стоят на набережной Невы в Петербурге. Современные арабы считают, что когда Сфинкс, прозванный ими «Отцом Ужаса», заговорит, то мир погибнет. Так что пусть уж данное создание подольше молчит! А то высекли его египтяне когда-то, как говорится, на свою голову... Говорят также, что он имеет привычку бродить по пустыне и временами уходит, отсюда и отсутствие его описания у Геродота и ряда других путешественников...

Составил: Тараканов С. Б.,
старший преподаватель кафедры всеобщей истории КузГПА.

Нижний Египет. 525 год до нашей эры.

Огромные, как горы, штормовые валы с грохотом разбивались о скалистый берег. Всегда ярко-голубое Средиземное море катило тяжёлые тёмно-зелёные волны, низкое мрачное небо прорезали ядовитые языки молний. Пена кипела между камнями, клочьями уползала обратно в воду.

Обломки финикийской ладьи кружило волнами, швыряло на скалы. Среди пены и щепок иногда появлялся силуэт человека. Он стоял на крохотном выступе скалы, прижавшись спиной к огромному гладкому камню. Волны скрывали его с головой и снова откатывали. Он держался из последних сил.

Арсам, родственник грозного персидского царя Камбиза, чья держава была крупнейшей в известном ему мире, чудом выжил, когда ладью разбило о рифы. Он успел в последний момент спрыгнуть в воду и выбрался на этот осколок скалы, но оказался в безвыходной ситуации, оступись, нога застряла между камнями. Он не мог даже шевельнуться. Так и стоял: грудью встречая удары тяжёлых волн.

Перс был молод, широкоплеч, крепок, с мощным торсом, густые, смоляные кудри спадали до плеч. Арсам промок, дорогие яркие одежды были изорваны в клочья. Во рту было горько от морской воды, застрявшая нога болела. Но перс был спокоен, уверенный, что скоро попадёт в рай.

Время шло. Он устал смотреть на бурю и закрыл глаза. Тело затекло, в голове шумело и бухало, ему хотелось вспомнить перед смертью что-то самое главное. Но в голове вертелась только шелуха неоконченных дел. Отец всё хотел его женить, да так и не убедил завести семью. Теперь его мечты никогда не сбудутся.

Ахеменид открыл глаза, нахмурился. Нет, надо что-то делать! Попытался освободиться, боль ударила молнией, перехватила дыхание. Нога застряла намертво. Арсам вертел головой, ища спасения. У самого лица волна ударила в камень острой щепой от весла. Он едва успел увернуться, схватил обломок. Когда вода отхлынула, перс сунул его в щель рядом с ногой и налёг изо всех сил. Камни сдвинулись, разжали тиски. Оказавшись на свободе, Арсам набрал воздуха, нырнул, как мог глубоко, к самому дну, туда, где волны стремятся обратно от скал.

Течение подхватило его и понесло с такой силой, что он едва сумел выплыть, чтобы вдохнуть глоток воздуха. Море кидало смелого пловца, как ветер пушинку. Он потерял из виду скалы, кругом была одна вода. Обрывки водорослей и пена неслись над головой, неожиданно, мелькало дно... камни... камни... клочок неба... вспышка молнии... Арсам задыхался, глотал воду, всё слилось в мутно-зелёную массу...

Зыбкая муть расступилась, перед персом открылся большой сумрачный тронный зал дворца мидийских царей. Навстречу шагнули громадные чёрные каменные Шеду. Он уже видел такое, когда наяву входил в этот зал в первый раз; тогда ему объяснили, что огромные, в три человеческих роста крылатые каменные быки только кажутся движущимися, благодаря третьей передней ноге. Но теперь чёрные Шеду не останавливались, с жутким грохотом скакали по плитам пола... Вдруг расправили свои необъятные крылья, оттолкнулись и поднялись в воздух; тяжело шумно полетели прочь. Мгновение, и их поглотила тьма... Пустой зал наполнился душным жаром, прохладный сумрак дворца в Экбатанах сменило песочно-жёлтое сияние, стало тесно от появившейся толпы незнакомых высоких смуглых людей... Нет, не людей! Вместо обычных человеческих шеи гигантов венчали головы соколов, ибисов, собак, быков и жутких зубастых чудовищ. Все кошмарные морды были повернуты к Ахемениду, пасти оскалены, глаза изучали его с угрозой...

Арсам очнулся от боли, всё тело ломило. Не было сил даже шевельнуться, открыть глаза, дышать было тяжело. Тошнотворно пахло гниющими водорослями. Сознание возвращалось медленно, постепенно он понял, что лежит вниз лицом на острых камнях, но ему было всё равно.

Кто-то потянул спасшегося за плечо и перевернул на спину. Он слышал незнакомую речь, но не мог открыть глаз. Его ударили по лицу. Перс застонал и с трудом поднял тяжёлые веки. Над ним склонились двое мужчин. Один был грузный, лысый, гладко выбритый, с тщательно подведенными сурьмой глазами, краска так странно смотрелась среди его морщин. Перса поразили размеры мясистых ушей старика. Второй – ещё подросток, худой и костлявый, такой же лысый как старик. На обоих из одежды были только странные длинные узкие юбки.

Арсам пошевелил губами, но слов не получилось – то ли хрип, то ли рык. Перс кашлял и плевался морской водой. Старик деловито ощупал его мускулы, как верблюда на базаре, и удовлетворённо хмыкнул. Он долго что-то объяснял парню, пока тот радостно не закивал. Незнакомцы перетащили перса на циновку и куда-то поволокли. Кровь царей кипела от возмущения, но он мог только рычать. Над ним плыло белое от жары небо, ни облачка, ни деревца. Арсам опять потерял сознание...

Душную темноту наполнил едкий чёрный дым, перс хватал воздух ртом, но он не шёл в грудь, обжигал горло. Щипало глаза, Арсам всматривался сквозь слезы. Из непроглядной темноты возникли огромные ворота. Они то ли стояли на земле, то ли висели над ней. Обе створки были плотно закрыты. Возле ворот Ахеменид различил две высоченные фигуры, но снова это были не люди, а странные уроды с человеческим телом и звериными головами. Сквозь колышущиеся клубы дыма он даже не мог понять, на кого похожи чудовищные видения. Звериные морды торчали из пышных чёрных париков, широкоплечие фигуры были неестественно длиннорукими и худыми. Между ними виднелся маленький тщедушный человек. Он кланялся гигантам и бормотал что-то странное:

– Я – тот великий, кто создал свой свет. Я пришел к тебе, Осирис, слава тебе, Осирис... В силе и мощи в Ро-Сетау. Поднимись в могуществе в Абидосе, Осирис!... Ты обходишь небо, плывешь в присутствии Ра...

Арсам устал прислушиваться к невнятному бреду несчастной фигурки, приблизился, чтоб лучше было слышно.

– ...проложи ему путь в Большую Долину. Освети путь Осирису! – разобрал перс.

Жутковатые стражи налегли на тяжёлые створки, ворота едва приоткрылись, а мгновение спустя и вовсе исчезли вместе с гигантами. Маленький человек пошёл дальше в темноту, и любопытный Арсам устремился за ним. Ему показалось, что дымная завеса стала прозрачней. Впереди он увидел две длинные тропинки, огибавшие удивительное озеро, тёмная вода которого горела ярче любого костра. Красные отблески пламени освящали одинокую человеческую фигурку, замершую на распутии. Ему было над чем задуматься. На обеих тропинках

путника ожидали жуткие уроды, на взгляд перса довольно мало отличавшиеся от тех, что охраняли ворота, – полулюди, полужвери. Тщедушный опять забормотал:

– Владыка двух истин! Я пришел к тебе, о, господин мой!... Тот, чьи близнецы любимые – Два Ока, Владыка двух Истин, – таково имя твое...

Никем не замеченный, перс всюду следовал за бормотающим человечком. Тому явно было очень страшно, он буквально трясся на каждом шагу... Казалось, он немного успокоился, укрывшись под сенью жидких пальм, даже присел отдохнуть. Арсам приблизился к оазису. Здесь дышалось легче, не было видно мрачных уродов. Перс решил, что тяжкая дорога подошла к своему концу, но тщедушный со вздохом поднялся и поплёлся дальше. Он всё шёл, шёл, мимо смутно различных холмов, отпирая огромные ворота с помощью непонятных слов.

Ахеменид успел холодно отметить, какой тяжкий бред его мучил. Но не мог вырваться из его плена.

– ...Я знаю тебя, знаю имена сорока двух богов, которые находятся в Чертоге двух Истин, – все бубнил тщедушный. – ... Которые пьют кровь в этот день испытания в присутствии Уннефера...

Дымная тьма разом рассеялась, отступая перед ослепительно солнечным светом. В яркой желтизне перс различил длинный высокий зал. Всё здесь казалось персу странным и непонятным. Но он не стал осматриваться, не мог отвести взгляд от фигуры высокого стройного человека, восседавшего на троне в дальнем конце зала. Над его головой сиял солнечный круг, который и заливал всё своим жарким светом. Маленький человечек, за которым всюду следовал Ахеменид, торопливо направился к величественной фигуре. Он снова заговорил, и опять Арсам не мог понять смысла его речей.

– Я не совершал несправедливости против людей. Я не притеснял ближних... я не отравлял. Я не делал того, что неуютно богам. Я чист... чист... чист...

Арсам устал от бессмысленных звуков, стал вертеть головой, присматриваться сощурившись. Снова зал был полон странных величавых гигантов. Один из них с длинной шакальской головой в вытянутой руке держал весы, внимательно глядя на неподвижные чаши. Арсаму показалось, что в одной из них бьётся живое человеческое сердце. Он брезгливо отвернулся, но тут же пожалел об этом, наткнувшись взглядом на новое чудовище, страшнее всех уже виденных. Задними лапами оно походило на очень большую свинью, грудь и передние лапы были львиными, а вытянутая тёмно-зелёная голова клацала огромной пастью с ужасными зубами...

– Кто ты такой? – услышал Арсам раскаты грома над своей головой. – Зачем ты здесь?

Солнечный гигант говорил на неизвестном языке, но теперь перс ясно понимал каждое слово.

– Я Арсам, из рода Ахеменидов! – гордо шагнул вперед перс.

– Тебе здесь не место! Убирайся!!! – грохотал гигант...

Сияние померкло, видение исчезло, сознание возвращалось медленно, мучительно. Липкий жар не отпускал. Арсам с трудом поднёс к лицу тяжёлую руку. Провел ладонью по лбу, мокрому от пота. Медленно открыл глаза, но ничего не увидел в плотной темноте. Осторожно повернул мучительно гудящую голову, светлее не стало.

– Ночь, – удивился Арсам.

– Сегодня новолуние, самая тёмная ночь, – услышал он приятный женский голос, уловил нежный аромат душистого масла.

Новое виденье возникло чёрным силуэтом на фоне узкого проема. Одной рукой женщина отодвинула край циновки, заменявшей дверь, другой держала крохотную плошку с горящим маслом. Свет от неё колебался и едва разгонял тьму, почти не освещая лица вошедшей.

Она говорила по-мидийски, но перс знал этот язык, он приходился дальним родственником и прежним царям Мидии. Арсам приподнялся на локте и всмотрелся в темноту, смог различить только её силуэт.

– Где я? – хрипло спросил он.

– В Египте, – просто ответила незнакомка.

– Это город? Фивы? Мемфис?

– Это имение номарха. Но столица недалеко, если плыть по реке.

– Кто ты? Как тебя зовут? – расспрашивал перс.

– Мой муж местный номарх, – уклонилась от ответа дочь Мидии. – Он прислал меня, потому что я знаю языки, чтобы сказать тебе, что ты теперь его вечный раб.

– Я?! Никогда! – возмутился Арсам, – Я из Ахеменидов! Я родственник царя всех народов! Мы никогда не были рабами!

– Кир не смог завоевать Египет. Фараоны не подчиняются Ахеменидам, – мягко возразила женщина.

– Это ненадолго, – надменно заявил перс, – Камбиз завершит дело Кира, и станет фараоном Египта!

– Но пока ты раб моего мужа и должен смириться с этим.

– Никогда! – повторил Арсам и отвернулся.

Женщина тихо ушла. Перс снова остался один. Глаза привыкли к темноте. Он стал различать светлые стены, узкую щель двери, колонны, поддерживающие потолок. К одной из них он был прикован за ногу. Перс зарычал от бессилия, ударил кулаком в стену. Зашуршала, осыпаясь, старая штукатурка.

– Не умеют строить, – отметил Арсам, – хоть бы узнать, что это вообще за помещение. Неужели, подвал для рабов.

Слово «раб» клинком рубануло по сердцу. Перс опять ударил в стену. И усмехнулся, найдя неожиданное утешение:

– Не густо пленников у этого номарха, раз я здесь один-одинешенек! Хозяин попался какой плохонький!

Ночь он провел без сна, гордость и гнев не давали Ахемениду сомкнуть глаз.

– А как хорошо всё начиналось! Меня ждало великое будущее. Сам Кир позавидовал бы такому началу! И я сам, сам всё испортил! Захотел, видите ли, плыть на первой же лодке, первым ступить на египетскую землю, вот и вступил! Дурак! Водой прельстился! Почувствовал себя владыкой морей! А теперь – когда ещё Камбиз предпримет новое наступление?! Сколько ещё мне оставаться рабом?!

Он зло плюнул на пыльный пол. И повторял с отчаянием:

– Раб! Раб!

Наступления утра он не заметил, в комнату без окон не проникали жаркие лучи солнца...

Глава вторая ПРИХОТИ БОГОВ

Арсам услышал голоса, кто-то отодвинул тяжёлый полог, и из дверного проёма хлынул ярко-жёлтый солнечный свет. Перс сощурился, прикрыл глаза рукой.

В комнату вошли его старые знакомцы – старик и костлявый подросток, их шеи украшали массивные золотые ожерелья и длинные нитки бус, а лысые головы – чёрные плотные парики из верблюжьей шерсти. Руки были унизаны широкими браслетами из лазурита. Вся одежда состояла из длинной уложенной в хитрые складки льняной юбки, на ногах были сандалии из грубой кожи. За ними следовали две женщины. Одна была древней старухой, согнутой и сморщенной как коряга, тоже в чёрном шерстяном парике. Она смотрела на пленника водянистыми глазками без ресниц, брезгливо морщила крючковатый нос, облизывала тонкие губы, показывая мелкие жёлтые зубы. Арсам её и не замечал, он жадно всматривался в черты второй женщины. Ей было едва больше двадцати, в её больших тёмных глазах жила грусть. Двигалась она плавно и мягко, во всей её полной фигуре было что-то кошачье. Тонкие египетские ткани облегали её стан мягкими складками. Руки обвивали золотые браслеты, а шею пять рядов бус из сердолика и яшмы с застёжками в форме соколиных голов. Густые чёрные волосы венчала изящная диадема из лазурита и золота. Её концы соединялись на затылке двумя шнурами с кисточками. Персу показалось, что он уже давно знал эту женщину или, может быть, видел во сне.

Старик критически осматривал пленника, поглаживая свой бритый подбородок, дряблую шею. Он что-то сказал, старуха принялась спорить и махать руками. Арсам догадался, что номарха зовут Херихор, а старуха – Убаинер, его мать. Ахеменида интересовало совсем другое, но имени молодой женщины он так и не узнал.

Старуха смачно плюнула на пол и ушла, Херихор победно выпятил грудь, сказал что-то жене повелительным тоном и удалился, полный важности, вместе с сыном. Женщина осталась, Арсам улыбнулся ей и попробовал встать, но цепь на больной ноге позволила только сесть у колонны.

– Муж велел тебе сказать, что ты остаёшься в его доме и будешь строить гробницу, – произнесла она тихо, перс с удовольствием отметил, что она смущена и прячет глаза.

– Для него я не только построю гробницу, но сам его похороню, – заявил он.

– Египтяне строят свои гробницы задолго до смерти.

– Жаль.

– Муж велел тебе учить египетский язык.

– И кто будет меня учить? – лукаво спросил Арсам.

– Здесь никто не знает твоего языка. Муж приказал мне обучить тебя.

– Я готов, – белозубо улыбнулся перс.

– Я приду позже, – потупилась женщина.

Она вышла, Ахеменид проводил её долгим взглядом; теперь гордый перс согласен был остаться в доме номарха. Он просто не мог никуда уйти от этих глаз.

– Видно, я, правда, попал в царство Ахримана, – хмурился перс, – то он насылал на меня странные сны, словно видение из ада, то искушает женскими прелестями. Зря я всё не верил, что любая женщина создана духом разрушения, нам на погибель.

В одиночестве Арсам осмотрел распухшую ногу, зло помянул демонов и дёрнул цепь изо всех сил. В глазах долго стояла темнота, но острая боль постепенно ушла. Осторожно пошевелил ногой, к счастью, всё было в порядке.

– Хорошо, это только вывих. Теперь бы ещё цепь убрать.

Он подёргал массивные медные кольца.

– Крепко, хотя медь, конечно, не железо...

Закончить мысль ему не дали, опять послышалась египетская речь, и в полумрак комнаты вошли Херихор и ещё один мужчина. Маленький, щуплый, в пыльном парике. Перс расправил плечи, встретил их презрительной улыбкой. Египтянин указал на ногу своего раба. Лысый мелко закивал, зашептал, пошёл к пленнику, но наткнулся на холодный взгляд перса и остановился опасно. Хозяин махал руками, явно бранясь. Напустился на вошедшую жену, долго, громко возмущался, даже ногами топал. Она молча слушала, а когда он закончил, женщина обратилась к персу.

– Муж требует от тебя почтения и повиновения, – произнесла она так мягко, что Херихор дёрнул её за руку, опять стал кричать.

– Он говорит, – продолжила женщина, не дослушав мужа, – что ты его хенуу – раб и должен повиноваться со смирением.

В статной фигуре Ахеменида было столько же смирения, как дождя в пыльной буре. Он встал, скрестил руки на груди.

– Не стоит его злить, Херихор может убить тебя, – женщина не смогла скрыть симпатии к пленнику.

Муж собрал лоб в складки, почесал свой отвислый живот. Раб смотрел на него с презрением.

– У вас, как я слышал, рабы слишком дороги, чтобы их убивать, – равнодушно заметил Арсам, – честь Херихора не стоит так дорого.

Дочь Мидии вся вспыхнула, её муж не понял слов, но почувствовал оскорбление. Он сжал кулаки и двинулся на перса. Ахеменид смерил его взглядом и расхохотался. Египтянин разевал рот, как рыба на суше, но не знал, что сказать. Жена принялась его успокаивать. Потом повернулась к персу.

– Скажи, что признаешь Херихора своим хозяином и поклянись своими богами служить ему. Тогда с тебя снимут цепь.

Арсам поймал взгляд женщины, и, обращаясь только к ней, произнёс:

– У меня только один бог, а ложь – худший из грехов, в каждом моём слове только правда. Клянусь Ахура Маздой и всеми его творениями, что отныне буду служить тебе одной и только тебя почитать своей госпожой.

Щеки красавицы вспыхнули. Она совсем растерялась.

Зашла старуха, подёргала носом, будто приносиваясь, велела переводить. Её голос звучал раздражённо и повелительно.

– Рабы должны работать. Ты сильный раб и должен много работать. Больных рабов надо лечить. Это лекарь для животных и слуг, если он тебе не нужен, ступай строить гробницу.

Так и закончилась для Арсама свобода. Вечером его оставили в покое, пригрозив, что ещё до восхода солнца у него начнётся новая жизнь. Египтяне вышли, опять оставив Ахеменида в полной темноте.

– Эй, а цепь?! – воскликнул перс.

Он сделал первый вывод: египетским обещаниям нельзя верить, особенно, если они даны рабу. Арсам раздражённо позвенел злополучной медной цепью.

– Гадость какая! Долго мне ещё так сидеть, будто ладья на якоре?!

– Сказали же тебе, только до завтра!

Арсам резко обернулся, в самом тёмном углу был ясно виден силуэт, ещё более чёрный, чем окружающая тьма. Вокруг него распространялось мертвенное синеватое сияние. Перс различил худого долговязого человека с шакальей головой, длинной подвижной мордой и большими заостренными ушами.

– Сгинь!

– Вот еще! – отмахнулся темный силуэт. – Ишь, раскомандовался!

Возмущённый Ахеменид тряхнул головой, потёр глаза. Видение не пропало. Жёлтые горящие шакальи глаза насмешливо сузились.

– Ты ещё ногой топни. Сказано, неохота мне тебя слушаться, – протявкнул шакалоголовый.

– Ты кто?

– Бог.

– Не может быть!

– Где-то и не может, а здесь я – Бог. Анубис – страж загробного царства, ну и бог ещё кое-чего. Конечно, самый главный у нас на том свете Осирис, но последние лет 200 египтяне стали нас путать, кто главный, кто не главный. Осирис аж позеленел от злости, ничего не мог поделывать. Так что перед тобой настоящий бог.

Зороастриец усмехнулся, а шакал предложил:

– Хошь, докажу? Смотри!

Грубое кольцо, сжимавшее ногу пленника, само собой разжалась, цепь отползла к колонне, словно большая змея.

– Фокусник, – пожал плечами Арсам.

Медная змея рванулась к нему и поднялась, словно кобра перед нападением. Она медленно покачивалась из стороны в сторону, и разжатое кольцо напоминало открытую пасть. Пленник внимательней взглянул на тёмного незнакомца.

– Так я тебя уже видел во сне, – припомнил перс.

– Какие сны, – возмутилась шакальи голова, – это был настоящий, очень настоящий последний суд. Душа того египтянина отправилась в рай. Только ты-то зачем туда приперся? Кто тебя звал?

– Не нужны мне ваши сборища! Я сам не знаю, как это вышло.

– Знаешь, не знаешь, только теперь тебе жить под властью Богов Египта. Мы тебя заметили, теперь уж не спрячешься, поздно.

– Вот радость-то! – презрительно бросил Ахеменид.

– Ещё увидимся! – тявкнул Анубис и исчез.

Медная цепь громко рухнула на пол и осталась валяться. Перс недоверчиво осмотрел её:

– Металл как металл, опять злобные демоны мутят голову.

От увиденного ушастого Анубиса и медной змеи отмахнуться было легко, но нога пленника была свободна от оков, бесполезная цепь мирно лежала поодаль. Это Арсам мог объяснить только божественным вмешательством. Персы уже давно исповедовали единобожие, однако не каждый служитель культа мог бы точно назвать имена всех духов и демонов. Обилие в чужой стране разных Богов Арсама не удивило, но чтобы вот так запросто поболтать с хозяином мира мертвых...

– Надо же, – рассуждал Ахеменид, – я совсем не понимаю египтян и легко общаюсь с их богами. Наверняка, благодаря царской крови в моих жилах.

Тщеславие усыпило все сомнения, и Арсам уснул, чтобы проснуться настоящим рабом египетского номарха Херихора. На этот раз хозяин даже не зашёл в сумрачное жилище своего пленника, прислал жену.

– До чего же приятна неосторожность твоего мужа, – лукаво улыбнулся Ахеменид.

Она потупилась, но твердо произнесла:

– Мой муж уверен в моём благоразумии.

– А ты – уверена?

– Все работники уже собрались, тебе надо торопиться, – она сделала вид, что не заметила его вопроса.

– Подождут, – отмахнулся родственник царей Персии.

– Никто не станет ждать одного, – настаивала дочь Мидии, – до города мёртвых путь не близкий, не забывай, что ты здесь только раб.

– Я твой раб, – опять взялся за своё перс.

– Я тоже хочу, чтобы ты поторопился, – мягко произнесла она.

– Тогда – уже иду.

– Погоди... а цепь... я позову кузнеца.

– Не стоит.

Ахеменид царственным жестом указал на валявшуюся поодаль цепь.

– Кто тебя освободил? – ахнула красавица.

– Сами Боги, – бросил гордый перс.

Женщина и подумать не могла, что в его словах нет ни капли лжи. И всё же она стала побаиваться удивительного иноземца. Её чувства совсем смешались, когда пленник вышел на залитый солнцем двор. Она смутилась, хватило одного взгляда на любимца Богов, чтобы лысый старый муж показался ей ещё отвратительнее.

Перс жмурился от яркого света, глаза успели отвыкнуть от ослепительных солнечных лучей. Решительно отряхнул свой изорванный ярко-синий халат, глянул вверх: небо над головой уже было белесым от надвигавшейся жары. Пленник едва глянул на широкий двор большого поместья, на скучные строения с плоскими крышами под сенью гибких пальм. У высокого забора из необожжённого кирпича, на жёлтой песчаной дорожке, раба номарха ожидало человек десять египтян. Все как один с одинаковыми прямыми чёрными волосами, удивительно ровно обрезанными у плеч. Все они были полуголые, в одних набедренных повязках, босиком.

– Судя по их одежде денек предстоит жаркий, – заметил перс.

Недолго думая, Арсам вернулся в прохладный дом. Чтоб не сковывал движения, снял свой рваный синий халат. Свернул аккуратно и положил на циновку. Оставшийся в одних штанах, вернулся к ожидавшим египтянам, худым и хмурым.

– Ну и работнички, – усмехнулся перс, – жалкое зрелище, неужели не нашлось рабов получше?!

– Это не рабы, – объяснила жена Херихора, – каждый египтянин обязан работать на стройках в городе мёртвых.

– Странные порядки. Ладно, показывайте, где собираетесь хоронить вашего номарха, – весело обратился Арсам к работникам, позабыв, что они его не поймут, – надеюсь, похорон недолго осталось ждать, – добавил он, подмигнув молодой жене старого Херихора.

Она снова притворилась, что не слышит его намеков, и торопливо ушла в дом. А строители гробниц поплелись вперёд по дороге, конец которой нырял за горизонт. Перс скучал среди египтян, ему очень не хватало хоть одного собеседника. Строители гробниц были так уморительно серьёзны и сосредоточены, а Ахемениду не с кем было поделиться весёлыми наблюдениями. Раб номарха легкомысленно улыбался, и рассуждал сам с собой:

– Чудное местечко, этот Египет. Очень подходящее для того чтобы сойти с ума. Я, кажется, уже начал. По ночам уроды мерещатся, днем говорю сам с собой.

Он замолчал, впечатлившись этой мыслью. Но не выдержал всеобщей угрюмости, потянул за руку шагавшего рядом худющего египтянина.

– Эй, далеко ещё? Что-то я не вижу никаких строений впереди. Одни поля.

Строитель гробниц его не понял. Рассерженно одёрнул руку, произнёс что-то грозное. Арсам оставил его в покое, молча осматривал окрестности. По обеим сторонам дорожки, протоптанной сотней босых ног, явно не подходящей для проезда повозок и колесниц, тянулись бесконечные квадратики пашен, покрытые свежими всходами. Вдоль каждого поля тянулись ряды оросительных каналов и канавок, полных мутной нильской водой. Здесь под щедрым египетским солнцем крестьяне собирали по три урожая в год. Вдали были видны ряды виноградников и большие сады. Такой лакомый кусок не мог не прельстить жадного царя персов –

Камбиза Завоевателя. Ахеменид легко представил, как победоносная персидская армия свежей морской волной врывается в сонное египетское царство...

А пока раб Херихора топал следом за унылыми работниками. Одного взгляда на их заморенную стать персу было достаточно, чтобы понять, что ему неизбежно доверят самую тяжёлую работу. Жаркое светило поднималось всё выше, обжигая землю безжалостными лучами. Горизонт подёрнулся белесой дымкой. Египтяне смотрели на неё с тревогой.

«Действительно, откуда здесь взяться туману?» – объяснил себе их беспокойство Арсам.

Строители гробницы номарха продолжали двигаться вперёд, но всё не приближались к своей цели.

– Куда подевался этот ваш город мёртвых? – возмутился перс. – Если он находится так далеко, то мы ничего не успеем сделать, только придём – и пора уже будет возвращаться.

Его слов египтяне не поняли, они остановились, принялись махать руками, спорить о чём-то на своем языке.

– Мы умудрились заблудиться?! – догадался Арсам. – Шли по единственной узенькой тропинке и забрели куда-то не туда? Не иначе демоны нас морочат или как его там вашего... Анубис, что ли?!

Уловив в его речи знакомое имя, работники ещё больше забеспокоились, стали испуганно повторять:

– Анубис! Анубис!

А туман надвинулся со всех сторон, сгустился, словно верблюжье молоко; вскоре было трудно уже различить пальцы вытянутой руки. Ахеменид был в восторге.

– Вот уж не ожидал посреди этой унылой равнины увидеть белый туман как в горах моей родины. Ух, как египтяне перепугались! И есть с чего, я слышал, у них здесь дождей-то не бывает, откуда туману взяться?!

Подданные фараонов повалились на колени, принялись возносить молитвы своим многочисленным богам, зороастриец смотрел на них равнодушно.

– Я вашим дурацким божкам не подвластен! И бояться мне нечего!

Но странный туман всё не рассеивался, усиливая страхи египтян и пробираясь мерзкой тревогой в сердце Арсама. На всякий случай, последователь «доброй религии» прошептал слова Ахунвары – главной молитвы зороастрийцев. А египтяне громко призывали на помощь свою богиню:

– Нут! Нут! Нут!

Гордый перс насмешливо ожидал, что они станут делать дальше. Ничего не происходило. Туман и не думал рассеиваться, люди чувствовали себя на дне кувшина с молоком. Ни звука не доносилось из плотной белизны. Неожиданно, Арсаму показалось, что он различил далёкий унылый, глухой звон, какой издают грубые колокольчики весящие на шее скота. Звук быстро приближался, и вскоре сквозь завесу тумана стал виден неясный силуэт. Мгновение спустя навстречу строителям гробниц весёлой рысью выбежала светло-жёлтая ушастая корова. Из набухшего круглого вымени на дорожку падали крупные капли молока.

– Ещё и корова?! – удивился Ахеменид.

Поднявшие было головы подданные фараонов и едва увидев рогатую скотину, снова рухнули ниц. В их интонациях зазвучала благодарность и восхищение.

– Нут! Нут!

Животное остановилось, широко расставив ноги, стало ошарашено мотать головой, отмахиваясь ушами от невидимой мухи. Большие тёмные коровьи глаза сонно уставились на странных людей.

Глава третья

ДОРОГА К ГОРОДУ МЁРТВЫХ

Следом за животным из тумана выбежал чёрный, как подгоревший хлеб, парень с длинной пальмовой веткой в руке. Он громко кричал на корову, и к ещё большему своему удивлению перс различил в его воплях знакомые слова.

– Стой! Стой! Какие демоны за тобой гонятся?

Арсам ухватил темнокожего за руку.

– Ты кто? Ты не египтянин? Ты меня понимаешь?

– Пусти! Всё я понимаю! Сам-то ты кто такой?

Ахеменид выпустил его руку, гордо выпрямился, произнёс надменно:

– Я Арсам из рода царей Парсы.

– Что-то не похож ты на царя, – резонно заметил незнакомец.

Перс смутился, далеко было ему отсюда до царского трона.

– Я раб номарха Херихора, – буркнул он.

– Так у него, что есть еще рабы?

– Я единственный.

– Вряд ли. Не знаю, как ты попал в рабство к номарху, а моя семья задолжала ему слишком много, вот я и отрабатываю.

– Отрабатываешь, помахивая пальмовой веточкой? – усмехнулся Арсам.

– Если бы... корову мне доверили только сегодня, а обычно я, как все, вожусь на строительстве гробницы, – вздохнул незнакомец.

– Мы тоже идем туда. Далеко ещё?

– Очень далеко, – рассмеялся парень, – вы топаете совсем в другую сторону от Великой реки, а мёртвый город на другом её берегу.

– Неужели они, – перс ткнул пальцем в согбённых египтян, – сами не знают куда идти?!

– Спроси у них.

– Не могу, они меня не понимают, а я их. В этой стране ты – второй человек, с которым я смог поговорить. Хоть ты и путаешь слова всех известных мне языков.

– Мой отец занимался торговлей и заставил меня учить языки разных торговцев. Каждый караванщик говорил по-своему, вот я и нахватался.

– Тогда скажи этим чудикам, чтоб поднимались на ноги и бежали обратно к своим домам, рабочий день окончен.

– Ловко ты распоряжаешься чужими работниками, – присвистнул темнокожий пастух.

– Судя по туману, распоряжаюсь не я, а местные носители дурацких голов.

– Не спеши оскорблять Богов, это плохо кончится.

– Я помню, Анубис говорил что-то подобное, – отмахнулся легкомысленный Ахеменид.

– Ну, ты зазнался! Не удивительно, что вокруг тебя происходит невесть что.

В это время оставленная без присмотра корова и впрямь прониклась чувством собственной важности, гордо вскинула рогатую голову, капризным взмахом ушей отогнала назойливую муху и медленно двинулась в поля, объедать свежие побеги. Неожиданная безнаказанность подстегнула её, и животное резво припустило прочь от своего пастуха и пальмовой ветви.

– Некогда мне с тобой, – бросил персу его новый знакомый и побежал догонять корову. – Увидимся завтра на стройке.

Арсам хотел было его остановить, но передумал, увидев, что египтяне сами поняли, что шли не туда, бранясь, поднялись с земли и двинулись в обратный путь. Туман медленно становился прозрачней, легче и вскоре вовсе растаял, словно его и не было. Египтяне удивлялись,

спорили, тыкали пальцем то в одну, то в другую сторону. Арсам прислушивался, пытался угадать, о чём они говорят, но напрасно: единственным знакомым ему словом оказалось имя всё того же злополучного Анубиса. Перс бросил бесполезное занятие, решив, правда, приложить максимум усилий на уроках своей прекрасной хозяйки.

Обратная дорога оказалась удивительно короткой. Совсем скоро впереди показались забор и квадратные крыши двухэтажных строений усадьбы номарха. Они были сложены из жёлтого кирпича-сырца с двумя-тремя маленькими узкими окошками и плоскими крышами. Перед домами торчал десяток пальм, но их высокие голые стволы и пучок жестких длинных листьев на вершине навевали на Ахеменида тоску. В скалистых горах его родины не было буйной зелени, однако любой куст со множеством веток, с мелкими весёлыми листочками Арсаму сейчас казался во сто крат прекрасней пальмовой рощи. Но большой тенистый сад прятался за высоким трехэтажным хозяйским домом. Он отличался от остальных четырьмя колоннами в форме стволов папируса, перед ним блеснул небольшой прямоугольный бассейн. Ах, как далека была его зеленоватая вода от прозрачной свежести горных рек!

Молодой перс взгрустнул бы, не появившись возле ограды обвислопузая фигура Херихора. Он был до самых пят завёрнут в белоснежную ткань, конец которой, переброшенный через плечо, придерживал рукой. Увидев возвращающихся работников, номарх широко разинул рот и отчаянно замахал свободной рукой, словно собирался взлететь. Херихор не просто орал на своих рабочих, он схватил толстую палку, угрожая им расправой. Покорные строители гробниц заранее втянули головы в плечи. А гордый Ахеменид только рассмеялся.

– Теперь понятно, Боги затеяли всю игру с туманом ради того, чтоб вдоволь посмеяться над уморительным гневом номарха.

Херихор не мог ни услышать, ни разгадать смысла шутки, однако оскорбился до глубины души. В бешенстве решительно попытался сломать свою палку, но только ушиб колено. Он продолжал орать и топтать ногами, а подчинённые ему египтяне обречено плелись к хозяину. Арсам порадовался, что не знает злословного смысла громких воплей. Но и так было легко догадаться, что, возмущённый невиданной наглостью, жрец призывал на головы работников гнев всех известных ему Богов. Не дожидаясь исполнения страшных проклятий, он сам подбежал к ним и принялся лупить по спинам своей крепкой палкой.

Херихор замахнулся было и на Ахеменида, но как-то быстро передумал. Он только снизу вверх посмотрел на надменного раба, сразу остыл и обмяк. Молчал, неприятно морщил нос, выслушивая жалобы работников. Открыл рот, чтобы обвинить во всем перса, вспомнил о бесполезности упреков и криков, повернулся к дому, заорал гнусаво:

– Анахит, Анахит!

В ответ из дома набежали бесполезные слуги и служанки, они долго о чём-то спорили на родном языке, номарх снова всё больше сердился и размахивал палкой. Пока на пороге не появилась его жена, как всегда спокойная и неторопливая. Ступая мягко, как кошка, она подошла к мужу, улыбнулась, положила руку ему на плечо. Негромко мирно заговорила. Арсам слушал её речь как музыку. Херихор сразу утомился, как маленький ребёнок от звуков колыбельной. Он разом позабыл о возмутительном поведении строителей и как ни в чём не бывало вернулся в прохладу своего дома.

Хозяйка отпустила слуг, мягким жестом указала проштрафившимся рабочим на ближайшее строение. И они охотно исполнили её повеление. А персу совсем не хотелось топтать следом за работниками, он словно замороженный не мог оторвать взгляда от мягких движений женщины.

– Тебе не следует так себя вести, – упрекнула она, – незачем лишний раз злить Херихора. В гневе он так отвратителен.

– Да, да, он ужасен, – рассмеялся перс, припомнив упражнения номарха с палкой.

– Зря смеешься, он твой хозяин, – строго напомнила женщина.

– У меня нет хозяина, – гордо выпрямился Ахеменид, – но у меня есть хозяйка, – добавил он ласково.

– Ступай в дом для работников, учить египетский будем вечером, сейчас у меня много дел.

Солнце стремительно укатилось за горизонт. С Нила прилетел свежий ветерок. Свободные работники разошлись по своим домам, и перс вновь остался один. Он сидел на тростниковой циновке в абсолютно пустой комнате, куда не проникал даже тусклый свет. Пришло долгожданное время урока. Арсам почувствовал знакомый запах душистого масла, и сердце радостно забилось. Едва женщина вошла в комнату с масляным светильником, и села на циновку рядом с ним, Ахеменид задал вопрос, которого она старательно избегала все это время.

– Как тебя зовут?

– Хенуу незачем это знать, – мягко возразила она.

– Как тебя зовут? – повторил он нежно.

– Для тебя я только госпожа, жена твоего хозяина.

– Как называет тебя Херихор, когда вы одни?

– Он зовет меня женой, – уклонялась от ответа женщина.

– Я знаю. Он отвратительно груб. Но ведь у тебя есть имя? – перс придвинулся ближе.

Она отстранилась. Он повторил маневр, сменил тему.

– А кто этот костлявый молокосос? Мне показалось он называл тебя мамой, почему? Он же едва тебя моложе.

– Это Петубаст – сын Херихора от старшей жены, она умерла... вернее от настоящей жены. Я ведь только наложница... женой Херихор зовет меня только здесь, в поместье. Я всегда живу здесь, а в столицу он ездит без меня. Родовитые египтяне никогда не берут в жены девушек из других стран.

– Я так и знал, этот старый верблюд тебе совсем не подходит! – обрадовался Арсам.

Женщина улыбнулась, прикрыв рот ладошкой. Перс пододвинулся ещё, она сделала вид, что не заметила.

– Решено, – заявил Арсам, – я тоже стану называть тебя мамой, я больше на тебя похож, чем все эти египтяне.

– Не надо, моё имя – Анахит, – совсем тихо сказала она.

– Анахит, – повторил он с нежностью, – прошу, называй меня Арсам, так звали меня на родине. Я не хочу для тебя оставаться безымянным хенуу.

– Хорошо, Арсам.

Анахит отодвинулась от него, резко встала, быстро, строго заговорила:

– Мы тратим время, мне нужно ещё научить тебя стольким словам.

– Для начала скажи, как будет по-здешнему – любовь, красота...

– Эти слова на стройке тебе не понадобятся! – вспыхнув, оборвала его женщина.

– О, я построю твоему мужу самую красивую гробницу, – лукаво улыбнулся перс, – возмись за дело со всей любовью!

Строгая Анахит не могла сдержать улыбку, снова опустилась на циновку, на самый дальний от перса край.

– Лучше научись понимать простые команды, – посоветовала она, – там, на стройке, надсмотрщики ничего не станут долго объяснять.

Упрямый перс послушался совета и старательно повторял за дочерью Мидии странные слова. Он оказался способным учеником и, как только перестал отвлекаться, быстро продвинулся в изучении египетского языка. Женщина даже рассказала ему несколько ругательств, которые могут кричать надсмотрщики. Арсам спросил неожиданно:

– Что такое Нут?

– Где ты нахватался таких слов? – вдруг рассмеялась Анахит.

– Одна корова на ухо шепнула.

– Значит, она тебе представилась, – звонко смеялась женщина, – может, ты знаком и с другими Богами?

– Только с самым дохлым, как его там... Анубис, кажется.

Жена номарха ахнула, испуганно закрыла лицо рукой.

– Не шути так! Рано тебе ещё встречаться с Анубисом.

– Зря вы его так боитесь, весёлый парень, – пожал плечами Ахеменид, – только с головой проблемы.

Нахмурившаяся Анахит таких шуток не понимала.

– На сегодня урок окончен, – серьёзно сказала она.

– А завтра будет новый?

– Не знаю... если муж велит.

– Муж, – презрительно фыркнул царский племянник.

Женщина быстро встала на ноги и вышла из комнаты. Арсам не успел даже придумать, как её удержать. За стенами его нового неуютного жилища настала ночь. Анахит унесла с собой лампу, и Ахеменид снова оказался в полной темноте.

Он даже не удивился, увидев образовавшийся в дальнем углу тёмный ушастый силуэт, спросил буднично:

– Что, и тебе не спится?

– Я совсем не сплю, а ты, хенуу, меня забавляешь, – отозвалась шакаля голова.

– Представляю, до чего ты скучаешь среди перепуганных египтян.

– Скучаю, – вздохнула темнота.

– Бедняга.

– Нет, ну это уже наглость! – рассердился Анубис. – Дожился, смертный меня жалеет.

– Скажи спасибо, я не напоминаю, что тебя вообще не существует.

Ошарашенный египетский Бог разинул шакалью пасть, бешено выпучил глаза и... исчез.

Помня о предстоящем трудовом дне, Арсам не стал тратить время и улегся спать на свое жёсткое ложе. В эту ночь любопытные звероподобные египетские существа его не посещали. Он вовсе не видел снов – ни волшебных, ни будничных.

Разбудил Ахеменида громкий резкий звук от удара бичом по каменному полу. Арсам сразу проснулся. С дверного проёма циновка была убрана, свет заполнял комнату, освещал внушительную фигуру надсмотрщика. Он был грузный, одетый только в традиционную набедренную повязку, голову его украшал чёрный парик, покороче и пожиже чем у Херихора.

«Похоже, египтяне лысеют сразу, как только добиваются какой-нибудь должности», – подумал перс.

– Быстрее! Быстрее! – кричал надсмотрщик.

Потомок царей двигался нарочито медленно: одёрнул, оправил штаны, расчесал пятерней волосы.

– Быстрее! Быстрее! – бесился египтянин.

Для большого устрашения он размахнулся, чтоб опять щёлкнуть своим бичом, но гнев сыграл с ним злую шутку, и кончик бича стегнул его по босой ноге. Надсмотрщик взвыл, закружился на месте, схватился за ногу и стал орать такие выражения, смысл которых перс понял, не зная ни слова. Ему даже пришлось подождать своего стража, пока тот закончит странный танец.

На этот раз во дворе собралось гораздо больше рабочих. Был среди них и вчерашний пастух. Арсам обрадовался ему как родному. Зато ещё троих надсмотрщиков вовсе не заметил.

– Ну что, поймал свою корову? – поприветствовав, спросил перс у своего нового приятеля.

- Хвала Богам, она не успела далеко убежать.
 - А почему ты не живешь здесь у Херихора, если ты его раб?
 - Поздним вечером я возвращаюсь в свою хижину. Ведь я только отрабатываю долг.
- Рабы, захваченные в бою, совсем другое дело.
- В бою, – усмехнулся перс, – из Херихора воин, как из медузы плащ.
 - Это точно, – рассмеялся темнокожий, – наш номарх храбрый, как шакал, и сильный, как тушканчик.
 - Ни разу не видел такого пузатого шакала.
 - Видно его кухарка вкусно готовит.
 - Ему вообще повезло, – вздохнул Арсам.
- Приятель глянул на него внимательней, сощурил чёрные глаза, покачал головой.
- Э-э, брат...
- Перс заговорил о другом.
- Я ведь так и не знаю, как тебя называть?
 - Ганнибал.
 - Имя слишком гордое, оно больше подходит великому вождю и полководцу, – заметил Арсам.
 - Я пока не знаменит, а я про тебя уже слышан. Время скучное, слухи разбегаются быстро. Твой хозяин уже всем успел похвастаться, что обзавелся настоящим рабом.
 - Зря хвастается, вот-вот Камбиз предпримет второе наступление, и придут совсем другие времена, некогда будет поскучать.
 - Так ты надеешься, что царь персов освободит тебя? – усомнился Ганнибал.
 - Уверен! – гордо произнес Ахеменид. – Я его родственник.
- Его приятель присвистнул, но не особенно поверил в правдивость этих громких слов. Строители гробницы, между тем, уже двинулись в путь. Беспричинно сердитые надсмотрщики щёлкали своими бичами, торопили.
- Интересно, далеко ли мы уйдём сегодня, – бурчал перс.
- Мимо опять потянулись одинаковые поля с каналами и канавками, под ногами была такая же пыльная дорожка, однако Арсам был уверен, что теперь они идут совсем в другую сторону.
- Ты прав, – подтвердил Ганнибал, – сегодня мы точно идем к Нилу верной дорогой.
 - Это ещё зачем?
 - Во-первых, город мёртвых на другой стороне реки, а во-вторых, из чего, по-твоему, здесь можно что-нибудь строить?
- Темнокожий повёл рукой вокруг. Арсам тоже осмотрелся, хотя уже знал ответ. На равнине глазу не за что было зацепиться.
- После кораблекрушения, – вспомнил перс, – я спасся на какой-то скале.
 - Значит, тебе повезло найти единственную скалу на этом берегу.
 - Мне часто везёт.
- Совсем рядом защёлкали бичи, и надсмотрщики закричали что было сил:
- Быстрее! Быстрее! Вас ждать не будут.
- На всякий случай перс сделал вид, что послушался.

Глава четвёртая РАБСКИЙ ТРУД

Вскоре он различил впереди зелёную змею Нила, о которой так много слышал раньше. После привычных бурных холодных горных рек Персии, великую полноводную африканскую реку он себе представлял совсем иначе. Её спокойные, почти стоячие воды не показались персу ни глубокими, ни судоходными.

– Эта лужа и есть ваш Нил?! – презрительно уточнил он.

– Всего лишь один из рукавов дельты, – пояснил Ганнибал.

Перс впервые увидел реку, которую привык считать великой и единственной. В это время года Нил, успокоившись после разлива, в самом деле напоминал спящего крокодила, но стоило ему проснуться...

– Видел бы ты эту лужу во время разливов, ты бы совсем по-другому заговорил, – с гордостью сказал пастух Ахемениду, – выше по течению есть жуткие пороги и даже случаются бури, в которых тонут ладьи.

– Может быть, я и поверю, когда сам увижу.

Солнце забиралось всё выше, припекало всё сильнее. Десяток работников номарха в сопровождении трёх надсмотрщиков дошли до пологого речного берега. Через неширокую в этом месте реку египтяне переправлялись на маленькой утлой очень старой лодчонке.

– Хотя бы Ибиса эта рухлядь выдержит? – усомнился перс.

– Это переправа между городом живых и городом мёртвых, – важно произнёс египтянин.

– Лодкой пользуются с самого сотворения мира?

В не понравившийся Ахемениду лодке возвышался мрачный обгоревший на солнце перевозчик. Он выглядел таким же древним, как его посудина.

– Честно говоря, – смутившись, откликнулся Ганнибал, – я не знаю, я всегда видел переправу такой.

– Так нам надо на ту сторону?

В голосе перса прозвучало недоверие. Он крайне осторожно ступил на хлипкую лодочку; к немалому удивлению перса, казавшийся старым и немощным перевозчик сильными уверенными движениями быстро греб через реку. Великий Нил сам помог ему доставить пассажиров. Только ступив на твердую землю, Арсам вздохнул с облегчением. А хмурый лодочник без лишних слов сразу отправился в обратный путь и очень быстро появился с другими пассажирами. На левом берегу реки, на песчаной отмели был устроен небольшой причал. Возле него замерла египетская длинная ладья. Спокойные воды даже не покачивали её.

– Стоит, словно вкопанная, – поразился Арсам.

– Ничего удивительного, – зевнул Ганнибал, – она слишком тяжёлая с таким грузом.

– Каким?

– Ладья нагружена каменными блоками для города мёртвых, их добывают далеко в верховьях и по реке привозят к нам.

– А обратно ладья ползет против течения? Не повезло гребцам!

– Пустое судно – это ерунда. Бывает, что вверх по течению поднимаются и с грузом.

– Не хотел бы я быть гребцом, – вздохнул Ахеменид.

– Наша участь не легче. Скоро сам убедишься.

Равный царям не мог себе представить занятие более тяжёлого и монотонного, чем работа гребца. Он просто не поверил своему египетскому приятелю. Но... тот знал, о чём говорил.

Над берегом возвышалась деревянная балка, короткий её конец был опущен к земле, к нему было привязано несколько мешков с песком, а длинный поднят высоко в небо. Соору-

жение представляло из себя огромный рычаг. Когда длинный конец наклонился к грузовой ладье, к нему привязали один из массивных каменных блоков. Работники налегли на меньший конец, и груз медленно поднялся в воздух. Обливаясь потом, продолжая давить на рычаг, египтяне стали поворачивать свой край к реке, и каменный блок поплыл по воздуху прочь от корабля. Его бережно опустили на землю, и процедура повторилась снова. Вскоре надсмотрщики велели другим работникам сменить выдохшихся. Настала очередь Арсама и Ганнибала.

Насколько легче и приятнее наблюдать за работой других, чем трудиться самому. Несмотря на то, что короткий конец балки был утяжелён, для того чтобы поднять груз давить на противовес нужно было изо всех сил. А переносить страшно тяжёлые каменные блоки с ладьи на берег было ещё тяжелее. От непривычной нагрузки Ахеменид зверел, сжимал зубы, клял судьбу, подсунувшую ему такие испытания.

Ганнибал, казалось, легче переносил тяготы. У него оставались ещё силы то и дело, задыхаясь, бросать замечания:

– Что-то часто мрут номархи последнее время... я уже третью гробницу строю....

– Пора уже им стать скромнее... – поддержал перс, – а то и строить будет некому, все работники перемерут на стройках....

– Это хорошо, мы ещё далеко от столицы... там недавно фараон помер. Его гробница гораздо больше, чем для номарха, а говорят ещё в прежние времена фараонов хранили в пирамидах, такую громадину кто-то же строил, мучился...

Когда последний блок опустился на землю, работники успели уже несколько раз смеяться. Ставшая заметно легче и выше ладья, плавно качнувшись, поплыла в обратный путь, движимая сильными дружными ударами весел. Арсам решил, что работа закончена.

– Ну и жара здесь у вас! Пойду хоть обкупнусь в вашем Ниле. Чтоб охладится.

– Даже не вздумай! – резко остановил его приятель. – В этом месте река кишит крокодилами! Сейчас время, когда они особенно голодные.

– Час от часу не легче! Крокодилы – это ещё что?

– Не что, а кто! – Ганнибала возмутило то, что кто-то может не знать мощи и кровожадности хозяев Нила. – Вон, смотри, плывет.

Он указал персу на середину реки, но тот сумел разглядеть только рябь на воде от движущийся не то коряги, не то кочки.

– Это и есть ваше чудовище? – рассмеялся Арсам. – Он же не крупнее рыбы!

– Зря смеёшься, – нахмурился темнокожий, – эта рыбка проглотит тебя и не заметит.

– Подавится!

В это время плывшая по реке коряга резко повернула к берегу. Видно, крокодил был сильно голоден, если забыв обычную ленивую медлительность, двигался столь стремительно. Перс и заметить не успел, как нильская рептилия преодолела расстояние, отделявшее её от берега. Мгновение спустя на песке появилась голова с длинной чудовищной зубастой пастью, короткие лапы, плоское тело и показавшийся Ахемениду бесконечным хвост.

– Он же вдвое длиннее, чем самый высокий человек, – поразился сын горной Персии.

– Бежим! – крикнул Ганнибал. – Эта тварь и на суше шустрая, как газель!

Но Арсам не мог сдвинуться с места. Он словно прирос к земле, заморожено глядя на быстрые жадные движения крокодила. Египтяне уже бросились в рассыпную, чудовище разинуло пасть, пытаясь схватить одного из них за ногу. Страшные зубы сомкнулись... Парню удалось убежать, и монстр утробно заурчал, поймав пустоту. Повторять попытку крокодил не стал и задом уполз обратно в воду. У Арсама даже дыхание перехватило.

– Это тоже один из ваших Богов? – хрипло спросил он у возвратившегося Ганнибала.

– Крокодил? Конечно! Себек – Бог, но вряд ли это был он сам.

– И часто здесь такое?

– Крокодилы нападают регулярно, надо же им есть! Ловят коров, антилоп, даже быков.

- А людей?
- Само собой.
- У вас не соскучишься!
- Некогда скучать, – поморщился темнокожий раб номарха.

Хотя его новый приятель говорил на невозможной смеси языков, к тому же жутко коверкал слова, перс легко понимал его или, точнее, догадывался о смысле речей, благодаря чрезвычайно богатой мимике Ганнибала. Лицо его было невероятно подвижно. Он бурно реагировал на любую малость, Арсаму даже при желании не удалось бы повторить все ужимки его физиономии. Вот опять быстрой волной по его лицу пробежали раздражение и страх, сменились выражением покорной усталости.

- Хватит отдыхать! Встать! Работать! – защёлкали бичами надсмотрщики.
- Что еще? – спросил перс. – Ладья уплыла, груз на берегу.
- Теперь нужно доставить камни до города мёртвых, – объяснил Ганнибал.
- Но я не вижу никаких повозок.
- Зачем повозки? Блоки до строительства доберутся и без них.
- Сами?!
- Если бы.

Приятель Арсама состроил очередную поразительную рожу, которая одинаково точно могла бы означать насмешку над наивным персом и досаду на то, что тяжести не умеют передвигаться самостоятельно.

– Смотри, первый блок уже потащили, – указал он на копошившихся возле камней египтян.

Разглядев, чем они заняты, Ахеменид задохнулся от возмущения.

– Неужели так всегда?

– А что тебе не нравится? – усмехнулся Ганнибал. – И камни дотащим, и отшлифуем как следует.

Строители гробницы подсунули под блоки какие-то дощечки и обвязали тяжёлый камень верёвками. Двое впряглись в петли и потащили блок, а третий стал поливать дорожку перед ними водой из большого кувшина. Камни двигались медленно, под ними шуршал придавленный мокрый песок, сзади оставался ровный широкий след.

– Этого не может быть! Мне все снится! – воскликнул Арсам. – Нельзя так издеваться над людьми, ведь они даже не рабы!

– Зато мы с тобой рабы-хенуу, – напомнил египтянин.

Как раз об этом вспомнили надсмотрщики. Получив весьма ощутимый удар бичом, перс поймал брошенную ему веревочную петлю и впрягся тащить каменный блок.

– Ты большой, один справишься, – гаркнул надсмотрщик.

Подоспевший Ганнибал схватил вторую веревку, крикнул:

– Я буду помогать, он дороги не знает.

– Не заблудится, – хохотнул надсмотрщик, – ладно оставайся, от тебя все равно никакого проку.

Перед ними зашагал худющий египтянин с кувшином. Первые шаги показались персу совсем не трудными. Давно выглаженная такими грузами, дорожка была ровной. У рабов Херихора нашлись даже силы на разговоры.

– Разве в твоей стране грузы перемещают совсем иначе? – удивлялся египтянин.

– Для этого есть повозки, лошади или быки. Да и по горным каменистым дорогам ничего так не потащишь.

– Лошади возят колесницы фараонов и номархов. Быки нужны крестьянам, чтоб обрабатывать землю, выращивать урожай. Быки дороги.

– Дешевле заменить их самими крестьянами? Люди ж слишком слабы для такой работы! – рассуждал Ахеменид.

– Выходит не слишком, если справляются с ней уже много веков.

– Может, вы и привыкли, а меня ждало совсем другое будущее, а теперь...

Родственник царей горько вздохнул, долго молчал, потом выдал беззаботно:

– Муравьишка не бездельник,

Бросил старый муравейник,

Захотелось муравью

Сесть в красивую ладью!

И теперь один как перст

В лошадь превратился перс.

Он помрачнел ещё больше, произнёс тихо:

– Сочиняю стишки, как базарный торговец, а ведь меня учили высокому стихосложению – языку небес. Я слушал песни лучших поэтов моей Родины.

– Забудь! – посоветовал приятелю Ганнибал. – Не рви душу мечтами. Судьба наша нам неведома.

– На все воля Ахура Мазда, – согласился зороастриец, – знать бы хоть, что будет завтра.

– А ты спроси у своих богов.

– Мой Бог не так болтлив, как здешние.

– Тебе-то откуда знать?! – усомнился раб номарха.

Честный рассказ Арсама о последней встрече с шакалоголовым Анубисом показался Ганнибалу хвастливой выдумкой. Он не стал ни расспрашивать, ни спорить, тем более что каменный блок становился всё тяжелее, тащить его было всё труднее. Каждый шаг требовал больших усилий. У рабов номарха возникло впечатление, что злополучный камень цепляется за дорогу, не желая двигаться. Они молчали, пыхтели, смотрели на согнутую спину египтянина, поливавшего песок перед ними.

Всю дорогу Арсам смотрел себе под ноги, видел только рыжевато-жёлтый песок. Добравшись до места назначения, перс с наслаждением выпрямился, устало присел на ненавистный ему камень, вытер пот со лба, осмотрелся. Долина мёртвых и впрямь казалась мёртвой лысиной среди зеленевших полей. Она расположилась на пологой возвышенности, и сухие ветра сдули всю плодородную почву, оставив мёртвым только безжизненный песок и камни. Гробницы, не слишком отличавшиеся от обычных домов египтян, – одноэтажные, приземистые постройки тесно лепились друг к другу. У этих сооружений были не только двери, но даже окна.

– Действительно, целый город, – удивился перс, – где же здесь поселится наш номарх?

– Вон, видишь недостроенные стены? – показал египтянин.

– Скорей бы он сюда перебрался, – усмехнулся Ахеменид

Вокруг рассерженно защёлкали бичи.

– Не сидеть! Работать! Быстрее обратно!

– Зачем обратно? – переспросил у приятеля перс, уже понимая, что тот может ему ответить.

– На берегу осталось ещё много камней.

Так и не успел Ахеменид толком осмотреть долину мёртвых. Заметил только среди строений какие-то скульптуры. Обратный путь работники проделали почти бегом, подгоняемые окриками и бичами надсмотрщиков.

– Когда-нибудь я убью всех троих! – в сердцах пообещал Арсам.

– Не тяни с этим, – буркнул Ганнибал.

– Начну прямо сейчас!

Перс резко остановился, гордо поднял голову, надсмотрщик тут же замахнулся на него бичом, заорал:

– Не стоять! Идти!

Тонкая змея бича распрямилась в воздухе, метнулась к непокорному рабу, Арсам поднял руку, схватил её конец, дёрнул к себе. Надсмотрщик, никак не ожидавший такой наглости, крепче сжал рукоятку, потянул на себя. Перс дёрнул сильнее, и незадачливый египтянин потерял равновесие, едва не повалился на дорогу, выставил вперёд прямые руки, опёрся на них, оказавшись на четвереньках. Дружно, как по команде, работники номарха загоготали, уставившись на него. Остальные надсмотрщики не могли допустить такого безобразия. Они принялись щёлкать бичами, но их усилия пропали даром, ведь один кнут остался у перса. В умелых руках это орудие пастухов стало грозным оружием. Отобранный Арсамом бич свистел в воздухе, ловко сплетался с другими кнутами. Вскоре неуклюжие египетские надсмотрщики остались безоружными. Изменившееся положение совсем сбilo их с толку, развеселившиеся гогочущие работники показались им такими опасными, что грозные, недавно крайне самодовольные, они стали пятиться и под улюлюканье бросились наутёк.

– Здорово! – воскликнул Ганнибал.

– А что дальше? – серьёзно спросил перс то ли у приятеля, то ли у самого себя. – В любой другой стране рабы разбежались бы по окрестным кустам, а здесь...

– А здесь нет ни кустика, да и людям бежать некуда. Просто разойдутся по домам, и будут ждать нового рабочего дня, – вздохнул египтянин.

– Это что ж, мне покорно возвращаться к номарху? – возмутился Ахеменид.

– Перед тобой роскошный выбор, – посмеялся над ним темнокожий, – хочешь – иди медленно помирать в пустыне или подразни крокодилов, чтоб быстрее съели

– Умеешь утешить, – усмехнулся Арсам, – пожалуй, я бы рискнул сбежать, может, добрался бы до крупного города, пристроился бы к каравану, да не могу...

Приятель глянул на него внимательно:

– Что-то здесь не чисто! Кажется, царского родственника держит здесь не только слово.

– Ты бы её видел, – восхищённо вздохнул влюблённый.

– Видел, – пожал плечами его приятель, – бывают и краше. Видал я и ноги длиннее, и стан стройнее.

– Не в этом дело, Анахит необыкновенная!

– Правду говорят, что все влюбленные глупы, – рассмеялся Ганнибал, – так ты согласен быть рабом её мужа?

– Это ненадолго, вот-вот Камбиз предпримет новый поход в Египет.

– Отлично! Дожидайся дядю, или кто он там тебе. А я отправлюсь домой, мне чужих царей ждать не резон. Смотри, все работники уже разошлись, а ты топай к своей несусветной красавице и её муженьку.

– Ладно, встретимся завтра и надсмотрщиков погоняем, – улыбнулся перс.

– Смотри, номарх твоё самоуправство так не оставит! Накажет от всей души.

– Вряд ли, – надменно произнёс Ахеменид.

Приятель разошлись в разные стороны, Арсам не спеша зашагал к владениям Херихора. Вроде бы и дорогу уже знал и тумана никакого не было, а вместо жилища верховного жреца, увидел перед собой незнакомый домик, такой крохотный и низкий, что перс не сумел бы в него войти даже на четвереньках. Арсам потер глаза:

– Снова демоны шутят!

Домик не исчез, а из узкой маленькой дверцы вышел человечек невероятно маленького роста. У него была уродливо большая голова с лягушачьим ртом, крохотные ручки и ножки.

– Что ты здесь делаешь? – строго спросил карлик у иноземца.

– Хотел бы я сам это знать, – честно ответил Арсам.

– Бродишь без цели? – осудил его незнакомец.

– Как раз цель у меня была, но она куда-то делась.

– Вечно вы, смертные, всё усложняете!

– Так ты тоже бог? – сообразил перс.

– Почти.

– С твоим-то ростом и этого достаточно. А ты за что отвечаешь? – спросил Ахеменид фамильярно.

Маленький божок не обиделся, принялся отвечать обстоятельно:

– У меня много забот, весь домашний уют на мне. Я и женщинам помогаю, за очагом слежу...

– Вот ты мне и скажи, – перебил Арсам, – где этот самый очаг? Куда подевался?

– Глупый ты, – надулся карлик, – невежливый, не буду тебе помогать.

Он рассерженно топнул ножкой и разом исчез, вместе со своим крохотным домиком. Вокруг Арсама снова разлеглись тёмные поля, а впереди показались постройки владения номарха. Перс двинулся к ним, совершенно не представляя, что скажет хозяину, и не заботясь о том, что может услышать в ответ. Дневной воздух становился всё жарче и, раскаляясь, терял утреннюю прозрачность. Перс снова предался воспоминаниям о ясной хрустальности горного прохладного рассвета в родной Персиде. Ему даже показалось, что сонные облака Египта стали ярче, а плотный горячий воздух холоднее и свежее. Впереди на дороге ветерок закрутил пыль. Она покачнулась, напомнила персу женский силуэт. Он присмотрелся, расплылся в счастливой улыбке. Ему навстречу неспешной плавной походкой шла прекрасная Анахит.

– Откуда она здесь? – удивился Ахеменид. – Почему одна?

Женщина приближалась, ласково улыбалась Арсаму. Ветерок трепал выбившуюся у неё из прически прядь волос. Обычно сдержанная жена номарха откровенно обрадовалась неожиданной встрече, протянула Арсаму руку, обратилась к нему:

– Как хорошо, что здесь нет посторонних глаз, я так устала от постоянного надзора мужа и его матери.

– Ты не представляешь, как я счастлив увидеть тебя! – вторил ей влюбленный. – Значит, не зря я раздражил этих мерзких надсмотрщиков. Не представляю, как народ терпит здешние порядки.

– Да ну их всех! – махнула рукой женщина. – Сейчас мне нет дела ни до кого на свете.

Красавица подошла совсем близко, окутала Арсама терпким ароматом душистых масел, ещё мгновение и он обнял бы её...

Ахеменид вдруг почувствовал, как земля у него уходит из-под ног, словно растворяется. Он стремительно падал, проваливался в золотую шуршавшую воронку зыбучих песков. Перс крикнуть не успел, как песок втянул его по плечи, и сухой волной сомкнулся над головой. Арсам зажмурился, уверенный, что уже умер. Но он не почувствовал ни удушья, ни мерзкого вкуса песчинок на губах. Открыв глаза, он поразился яркому освещению. Большущий зал был пронизан лучами струившимися от круглых зеркал, отражавших солнечный свет, лившийся из единственного отверстия в потолке.

– Вот уже второй раз не могу умереть по-человечески, – вслух возмутился Ахеменид.

Эти его слова вызвали приступ громкого хохота со всех сторон.

– Ну, и куда меня опять угораздило попасть? – осведомился перс.

По залу вновь прокатился смех. Арсам крутил головой, но не мог никого разглядеть. Он стоял в центре освещённого круга, а стены зала тонули в полутьме, из этой мглы вышел уже знакомый шакалоголовый Анубис..

– Только не надо притворяться, что ты вовсе не испытываешь страха! – протягивал он.

– А что, есть чего бояться?

– Да, – расвирепел Анубис, – бойся, здесь есть чего испугаться! Я тебе покажу!

Раздался оглушительный взрыв, яркая вспышка обожгла глаза, и свет исчез, оставив густую непроглядную тьму. Тишина звенела в ушах, нагоняя жуть. Арсам хотел поднять руку,

пошарить вокруг, но сразу наткнулся на холодный мёртвый камень. Со всех сторон была шершавая каменная стена. Вот когда сердце гордого племянника царей Парсы пронзила раскалённая игла ужаса. Под ногами и над самой головой тоже был твёрдый камень.

– Вот и всё! – голос Анубиса скрипел металлом. – Больше ты не Ахеменид, ты никто! Тебя замуровали и забыли внутри каменной кладки! Здесь мое царство!

У Арсама даже пропало желание спорить с чужим богом. А бесплотный голос продолжал:

– Разве тебе никогда не говорили, что чужие порядки нужно уважать! Вот зачем ты нахамил старику Бэсу?

– Кому? – не понял пленник.

– Безобидному божку, хранителю очага!

– Всё-таки это был Бог?

– Можно подумать, с людьми ты обращаешься уважительней, – увещевал Анубис.

Бог продолжал сердиться, но Арсаму показалось, что стены вокруг него стали менее плотными, раздались вширь и вовсе растаяли в темноте. Перс вдохнул свежий холодный воздух, он снова был абсолютно один на широкой ладони африканской пустыни. Над головой поднималось немыслимо высокое звёздное небо. Вокруг лежали большие барханы, до самого еле различимого горизонта – только песок. Перс уже ждал, что к нему снова обратится бог загробного мира, но пустыня надменно молчала. Время шло, и мало-помалу Арсам возвращался к реальности. Ему было холодно, голодно, хотелось пить и просто понять, где он находился. Он сделал несколько шагов в одну сторону, резко повернул, пошёл в другую. Уселся на вершине бархана, пытаясь осмыслить всё случившееся и решить, что ему теперь делать.

Глава пятая ЗОЛОТОЙ ГОРОД

Мириады звёзд холодно смотрели с чёрного неба на погружённую в ночную тьму пустыню.

– Новолуние, – вздохнул Арсам, – ничего не разглядеть. Хоть бы знать, где я теперь, далеко ли от людей?

В его голову не приходило ни одного разумного объяснения – ни того, что с ним случилось, ни того, где бы он мог оказаться.

– Придется ждать утра, – решил перс, – может, удастся заметить хоть что-нибудь, чтобы сориентироваться. Остается надеяться, что день не принесёт смертельной жары.

И он остался на месте ждать рассвета. Прекрасно зная, что время быстрее всего проходит, пока спишь, Ахеменид разлегся на неласковом песчаном ложе. Подумал, что напрасно оставил в поместье Херихора свой халат.

– Как бы он сейчас пригодился.

Стараясь уснуть, перс пожалел, что его работа так быстро закончилась. Он не успел устать достаточно, чтобы уснуть мертвецким сном. В голове долго крутились события прошедшего дня. Больше всего влюблённому хотелось разгадать загадку появления Анахит. Его мучили сомнения, в какой момент началось колдовство. Была ли красавица на самом деле. Крепкий сон положил конец его размышлениям.

Утром Ахеменид проснулся от холода, поверхность пустыни вокруг тонким слоем покрыла ледяная изморозь. Она мгновенно исчезла под первыми солнечными лучами.

– Эх, сохранить бы хоть чуточку этой прохлады до полудня. Какое гиблое место – эти пустыни! – бранился Ахеменид, отряхивая песок.

Со своего высокого бархана он снова осмотрел всё вокруг и воскликнул радостно.

– Как я мог не заметить?!

У самого горизонта были ясно видны плоские крыши многочисленных построек.

– Целый город! – порадовался Арсам. – Хорошо, что я ночью решил остаться на месте, а то ушёл бы в другую сторону и не смог бы теперь увидеть города.

Он спустился с бархана; заветная цель пропала из виду, но теперь перс точно знал, какого направления должен держаться. Перс торопился, почти бежал, хоть ноги вязли в песке. Поднялся на вершину нового бархана. Всмотрелся вдаль: Ахеменид не на шутку боялся не увидеть города на прежнем месте. Но поселение не было миражом, его по-прежнему было чётко видно. Арсам продолжал свой путь, он больше не торопился, не бежал, экономил силы. Ведь жаркие прикосновения дневного светила уже обжигали всерьёз. Знойное дыхание пустыни становилось всё более злым и тяжким. Снова перс пожалел о своем халате, отличная была бы защита от жестоких солнечных лучей.

– Только копчёные египтяне могут не прятаться от такой жары.

Совсем медленно путешественник поднялся на новый бархан, город стоял всё на том же месте.

– Наваждение какое-то, иду, иду, а проклятое поселение всё не становится ближе. Одно из двух: или воздух пустыни искажает расстояние – или опять не обошлось без шуточек местных божков. Как можно всерьёз верить в существование таких уродов?! – бурчал хмурый Арсам, снова спускаясь вниз с бархана.

Песок предательски осыпался под ногами, перс скользил, падал, кубарем катился вниз.

– Он ещё не верит! – услышал страшный шипящий голос.

Ахеменид вскочил на ноги, стал озиаться по сторонам, но вокруг абсолютно никого не было! Горячий ветер гнал по барханам сухие песчинки, да коричневато-жёлтая под цвет пустыни змея быстро ползла прочь, оставляя после себя причудливый след.

– Надо скорей добраться до человеческого жилья, – решил Арсам, – иначе я окончательно сойду с ума от зноя и одиночества!

Он брёл по выжженной пустыне, не поднимая головы. С каждого возвышения жадно всматривался в очертания вождя города, но тот оставался всё так же далёк от него. Наконец резко, как тяжёлый занавес, на песчаное море упала ночная темнота. С её наступлением удушье сменилось холодом. Эмоциональный перс не жалел ярких эпитетов, громко браня пустыню, Египет и египтян с их богами. Арсам уже по привычке ожидал язвительного ответа. Да так и не дождавшись, продолжил свой нелегкий путь, ориентируясь на крохотный огонёк, горевший в далёком городке. Он смертельно устал, еле передвигал ноги. Но всё же ночью двигаться было гораздо легче. Солнце тяжким грузом не давило вниз, а медленно остывавший песок не обжигал ноги. Персу жутко хотелось спать и есть, но хуже всего была нестерпимая бесконечная жажда. Чтобы отвлечься, Ахеменид принялся строить грандиозные планы.

– Вот дойду, я покажу им всем! – грозился он. – В крупном городе наверняка уже стоят войска Камбиза. Свои меня встретят как победителя! Дома, наверняка, уверены, что я погиб. А я вот – он! Живой! То-то будет радости. Я сразу потребую отдать мне этого сморчка Херихора. Объявлю его рабом и заставлю...

Ахеменид с наслаждением стал представлять Херихора, выполняющего самую сложную работу. Но так и смог придумать ничего хоть отдалённо напоминавшего перетаскивание каменных глыб.

– Я привяжу такой камешек, – зло бурчал раб номарха, – и заставлю бегать с поручениями, пусть доставляет депеши в армию, или лучше...

Влюблённый лукаво улыбнулся.

– ...я поручу относить свои любовные письма Анахит.

Его мысли перескочили к прекрасной жене номарха.

– Лучше я подарю жизнь этого пузатого Анахит, пусть сама решает, что с ним делать. Тогда уж всё будет зависеть от того, насколько отвратительно вёл себя как супруг.

Влюблённый даже не сомневался, что Херихор был отвратителен. Планы мести отвлекли перса от тяжёлого пути и даже немного прибавили сил. Но под утро он окончательно выдохся, понял, что если не отдохнёт, то не сможет сделать ни шага. Ещё раз взглянув на огонёк, Арсам опустился на песчаный бархан и уснул, не успев даже произнести ни слова краткой молитвы.

Проснулся он от детского голоса:

– Эй, мужик, ты живой? – громко спрашивал незнакомый мальчик.

Он взял руку Ахеменида за мизинец, приподнял и отпустил. Кисть безвольно упала на песок.

– Совсемдохлый, – попытожил мальчуган.

– Я очень даже живой, – вяло возмутился Арсам, но поднялся на ноги.

– Ну, надо же! – присвистнул незнакомец.

Он был совсем маленький, хрупкий. Так непривычно для египтян – голову его покрывали собственные волнистые локоны, а в руках он держал лук.

– Ты кто такой? – потребовал ответа Ахеменид.

– Шэду, а впрочем, какое тебе дело, чужак, – поморщился мальчик.

– Дорогу до города знаешь?

– Конечно, только мне некогда, дела у меня здесь.

Он повернулся к персу спиной и исчез. Только шустрая змейка прошуршала по песку.

– Опять эти демоны! – выругался Арсам. – Что они ко мне пристали? Жил себе жил, как все остальные, нет, вляпался в это египетское колдовство.

Он плюнул, а день уже был в самом разгаре.

– Жалко, этот пацан не разбудил меня раньше, – посетовал путешественник, – а может, я и вовсе проснулся из-за жаркого солнца, и никого не было, – засомневался он.

Внимательно посмотрев туда, где ночью горел огонёк надежды, ясно увидел заметно приблизившиеся дома и узкие улочки.

– Хорошо хоть город мне не приснился! Ни один мираж не может оставаться неизменным трое суток подряд, – порадовался он.

Между строениями были уже видны одинокие пальмы с длинными обвислыми листьями.

– Дома в этом городе так высоки, что совсем не видно деревья.

Размышляя об этом, Ахеменид снова двинулся в путь, краткий отдых пошёл ему на пользу, последний участок показался ему гораздо короче и легче бесконечных скитаний прошлых дней.

– Опять какие-то чудеса со временем, – решил Арсам.

На пустыню ещё не упал ночной холод, когда Ахеменид подошёл к каменной ограде с зубцами незнакомого египетского города. Он прошёл между двумя сторожевыми башенками через ворота, пересёк дозорную дорогу и оказался перед воротами внутренней высокой стены из кирпича-сырца. Эти ворота напоминали сирийский бастион. Между двумя мощными башнями стояла третья, шириной в двенадцать шагов, с проходом посередине, через который могла пройти только одна колесница. Консоли подпирали головы извечных врагов Египта – ливийцев, азиатов и нубийцев. Каждый проходящий должен был испытывать гнетущее чувство. Ахеменид увидел привычную помпезность, как в Вавилоне и Сардах, Пасаргадах и Экбатанах, Кирсимате. Городские ворота были покрыты золотыми пластинами с силуэтами фараонов и богов, цветные эмали украшали рисунок. Арсам сразу узнал шакалоголового Анубиса и виденного среди богов великана с соколиной головой. Но даже не звериные лики были самыми странными в этих фигурах, а то, что их лица и ноги были изображены в профиль, широкие плечи и руки в анфас. Все персонажи стояли в этой невообразимой позе, включая длинную вереницу рабов у ног фараона. Среди этого золотого изобилия персу очень не хватало ярко-голубых мозаик и гладких чёрных колонн его родины. Окружавшее его искусство было столь специфично и условно, что поражало своей холодностью и неподвижностью. Украшавшие стены фигуры людей казались переломанными в поясице и ни капельки не походили на живых египтян.

– В этой стране слишком много жёлтого цвета, – поморщился перс, – жёлтый песок, жёлтые дома, жёлтое золото.

По широкой удивительно ровной улице навстречу иноземцу бежала худая ушастая коза. Повалившись на землю, она поднялась уже знакомым мальчиком. Персу хотелось потереть глаза, он даже тронул рукой мальчишку.

– Ты настоящий?

– Самый настоящий! – обиделся мальчуган. – А главное – я здесь на своём месте!

– То есть? – переспросил Ахеменид.

– То и есть, я местный, я – египтянин, не то что ты – чужак!

– Местный? Значит, знаешь название города? – обрадовался Арсам.

– Я-то знаю, а тебе и знать незачем! Это мой город и его, – он ткнул палец в золотого фараона на воротах, – и их, – он указал на изображения богов.

– Час от часу не легче! Я что, сплю?

– Хочешь сказать, что я только сон? И всего этого в помине нет?! Ну, ты – хам! – бросил мальчик.

И весёлая худая коза побежала дальше. Арсам перебрал все ему известные способы проснуться. Но его старания пропали даром. Покрытые золотом городские стены незыблемо

стояли на своем месте. Приятная немолодая женщина, стоявшая поодаль, смотрела на него с явным сочувствием.

– Тяжело тебе у нас.

– Пожалуй, – согласился честный перс.

– Много непонятного?

– Да, буквально всё шиворот на выворот.

– Ну, что же теперь поделаешь, – вздохнула женщина и растаяла в воздухе.

– И эта туда же, – рассердился Ахеменид, – или я сошел с ума, или это мир демона Ахримана. За что мне это наказание?!

– За наглость! – охотно объяснил возникший ниоткуда хищно улыбающийся Анубис. – Нельзя себя так вести на чужой земле. Вредно.

– Вот завоюет Камбиз ваш Египет, станет фараоном, и будет земля нашей.

– Тогда и посмотрим, а пока ты здесь один такой наглый.

– Я не наглый, я – честный!

– Нашел чем гордиться!

– Ложь – ужасный грех! – подчеркнул зороастриец.

– Может у вас и грех, а у нас правдой заведует специальная богиня.

– И на кого она похожа?

– Сам узнаешь, позже, может быть.

– Так у этого безобразия ещё будет и продолжение? – возмутился Арсам.

Его уже никто не слушал. Широкая улица была удивительно пустынна и тиха. Вдоль неё выселились фасады больших трехэтажных домов, украшенные рядами тонких колонн в виде стеблей папируса, поддерживающих большие балконы. Стены были обильно покрыты сложными барельефами, изображавшими пиры разноликих богов и празднества в их честь. Впереди была видна яркая зелень садов. Перс удивлённо озирался.

– Какой странный город, совсем без жителей, если только...

Арсама поразила догадка:

– Неужели здесь обитают только внезапно исчезающие существа?! Так это город египетских Богов! – воскликнул он и в задумчивости почесал затылок. – Осталось определить, что я здесь делаю. Может, я уже мёртв?! Интересно, это рай или ад? У кого бы спросить?

Спросить было абсолютно не у кого. Народа не было ни души. Только ветер гонял облачка пыли.

Из-за угла дома появился чей-то силуэт. Арсам бросился было к нему, но застыл на месте. Прохожий не был человеком, тяжёлую бычью голову украшали длинные рога.

– Час от часу не легче!

Перс шарахнулся в какой-то узкий переулочек, не желая встречаться с угрюмым незнакомцем. Он прижался к каменной стене, сплошь покрытой мелкими выбитыми рисунками, очень похожими на длинный текст. Чаще всего повторялся силуэт сокола. Бычья голова медленно проплыла мимо, Ахеменид не торопился покинуть своё убежище. Смотрел, не появится ли кто-нибудь ещё. По ровной, тщательно утопанной улице, задрав хвост со смертоносным жалом, воинственно подняв клешни, на тонких ножках быстро пробежал необычно крупный чёрный скорпион. Его настигла длинная стрела. Пронзённый скорпион растянулся в пыли, уронил хвост и исчез. Стрела упала на землю. Шэду подбежал, подобрал её. Арсам с интересом наблюдал в кого он превратится на этот раз. Пацан радостно подпрыгнул, издал победный клич и вприпрыжку побежал дальше. Перс осторожно выглянул из-за угла, посмотрел ему вслед, но на это раз он... и не думал становится животным.

– Может, все-таки эти ненормальные превращения прекратились?!

Но Ахеменид напрасно надеялся; стоило ему произнести эти слова, как широкая улица наполнилась всевозможными зверями. Грозные львы рыкали на тонконогих антилоп. Обезьяны пытались ловить суетливых ибисов, а крокодилы деловито ползли мимо них.

– Безумие продолжается, – вздохнул Арсам.

Больше других перса поразили звери с гладко-тёмной толстой шкурой и чудовищной пастью. Словно для большого сходства с поросятами их хвостики были крохотными и загнутыми крючком. Он не знал названия этих животных и предположил, что в реальности таких монстров быть не может. Между тем, крокодилы добрались до огромного бассейна и осторожно погрузились в воду. К удивлению перса, за ними последовали свиноподобные чудовища и с шумом плюхнулись в бассейн. Ахеменид наблюдал за буйством африканского мира, буквально открыв рот. Но он совершенно лишился дара речи, когда увидел между всевозможных зверей и чудовищ – самого себя! Среди египетских животных второй Арсам чувствовал себя очень уверенно, и дикие звери, не тронув его, даже уступали дорогу. Двойник заметил перса и, приветливо замахав ему рукой, пошёл навстречу. Храброму Ахемениду почему-то жутко захотелось спрятаться, чтобы избежать встречи. Незнакомец быстро приближался, и перс не мог найти ни одного отличия.

– Ты кто такой? – сразу спросил его перс.

– Твой хозяин, – надменно ответил двойник.

– Один у меня уже есть, – рассердился Арсам, – что-то вас слишком много.

– Я – Шай, хозяин твоей судьбы!

– Хватит с меня хозяев.

– Это не тебе решать.

– Я сам – творец своей судьбы.

– Зря ты так уверен, да я тебя в два счета...

...два Арсама сцепились не на жизнь, а на смерть. Осыпали друг друга ударами, ставили подножки, бились, ни в чём не уступая. Наконец одному удалось одержать вверх, он повалил соперника на землю, надавил коленом на грудь.

– Ну, кто теперь хозяин? – победно воскликнул Арсам.

Он не успел насладиться триумфом, как почувствовал, что поднимается над землёй. И не сразу сообразил, что второй Арсам, став чудовищно огромным, легко, словно пушинку, держит его на ладони. Ахеменид опасливо глянул вниз: маленький, будто игрушечный город лежал далеко у ног гиганта. Огромный Арсам расхохотался громко и раскатисто, словно гром прокатился по небу.

– Говоришь, победил?! – оглушительно осведомился хозяин судьбы.

– Так ты тоже Бог? – вздохнул Арсам-человек.

– Какой догадливый, – веселился второй Арсам.

Гигант повернул ладонь, смахнув маленького человека, словно невесомую песчинку. Перс стремительно падал с огромной высоты, воздух свистел в ушах. Твёрдая земля приближалась со страшной скоростью. Великан наклонился, подхватил его в последний момент, поставил на песок. Сам стал уменьшаться. Вскоре напротив друг друга снова стояли два абсолютно одинаковых человека.

– Неужели ты и теперь будешь упорствовать в своем непочтении к богам? – с угрозой в голосе спросил Шай.

– Вы все не боги, а лишь демоны, созданные Ахриманом – вселенским злом, а бог для меня только один – Ахура Мазда! – объяснил зороастриец свое презрительное отношение к египетским богам.

– Это мы-то не боги! – яростно загремел властелин судьбы. – На колени, смертный!

Перс только гордо поднял голову.

– Я опущусь на колени только перед Ахура Маздой! А все ваши происки напрасны!

– Твоего бога здесь нет! – злобно зашипел Шаи.

Образ человека медленно таял в воздухе, и вместо него перед непреклонным Ахеменидом раздувала капюшон огромная кобра. Между двумя ядовитыми зубами мелькал тонкий раздвоенный язычок, а слова шуршали откуда-то сверху.

– Я волен творить с твоей судьбой всё, что мне захочется! Захочу – верну тебя в прошлое...

Звук его голоса ещё звенел в воздухе, когда Арсам понял, что вокруг него нет ни города, ни диких зверей. Справа, слева, впереди и сзади – всюду только был раскалённый полуденным солнцем песок. Он опять оказался посреди пустыни, там, откуда началась его трудная дорога к золотому городу. Осознав это, Ахеменид пришел в бешенство.

– Будьте вы прокляты, африканские уроды!

Он в отчаянии пнул бархан, песок осыпался, обнажив норку скарабея, жучок поспешно бросился наутек.

– Только этого не хватало! – сердился Арсам. – Начинать всё сначала выше моих сил! Вот возьму и пойду в другую сторону, может, тогда мне повезёт встретить нормальных людей, а не это дикое скопище уродов.

Окинув взглядом волнистую поверхность пустыни, песочно-жёлтую под бесцветным от жары небом, пытаюсь сориентироваться и припомнить, куда он шёл в прошлый раз. На всякий случай круто развернулся и пошёл назад, надеясь, что с каждым шагом удаляется от него-степриимного города. Жара растягивала время, превращала минуты в часы, каждое движение в непосильный труд.

– Однако я сваял дурака, – вздохнул перс, – надо было не удивляться на уродливых жителей и зверей, а напиться воды из того бассейна. Я готов выпить его весь до дна!

Полуденное солнце нещадно жгло спину, голова кружилась от усталости и голода. Арсам облизывал пересохшие потрескавшиеся губы, хрипел зло:

– Когда уже сядет это дурацкое солнце?! Когда ночь принесёт прохладу?! Никогда раньше я не умел так ненавидеть божественное светило!

Но день застрял, казалось, в своем апогее. Достигшее зенита солнце совсем не клонилось к закату.

– Это Шаи шутит со временем, – догадался перс.

Ещё долго бесцельно он брёл по бесконечным барханам. Путник уже совершенно выбился из сил и еле переставлял ноги. Наконец, запнувшись, повалился на жёсткий песок и остался неподвижен. Арсам равнодушно проводил взглядом скарабея, толкавшего перед собой свой вечный шарик, и закрыл глаза...

«Всё! Не могу, не хочу! Это конец!»

...все тело обдало сладкое живительное чувство счастья. Арсам, расслабившись, лежал в прохладных водах того самого бассейна. После смертоносного жара пустыни голубая вода была бесконечно прекрасной. Перс нырнул, проплыл немного, вынырнул, стал пить, зачерпывая воду руками. Потом наклонил голову и хлебал как животное, долго не мог победить жажду. Он снова нырнул и ещё из-под воды различил тёмное вытянутое тело крокодила. Оно медленно двигало короткими лапами, незаметно приближалось. Перс, как молния, метнулся к краю бассейна и выскочил на твёрдую землю. Тёмно-зелёный крокодил выставил из прозрачной воды только глаза, но был отлично виден весь. Чудовище было вдвое длиннее Ахеменида. Длинный хвост медленно двигался из стороны в сторону, плавные, ленивые движения рептилии внезапно приобрели стремительность. Он рывком выбросил себя на берег и удивительно быстро пополз к персу. Арсам и рад был бы броситься наутёк, да выскочил из бассейна не со стороны улицы, а возле высокой каменной стены какого-то строения. Он отступил назад и оказался зажатым в углу. В отчаянии шарил рукой по гладкой каменной кладке, почувствовал, что одна плита поддавалась, вцепился в неё пальцами и потянул, что было сил, отломал

большой кусок мраморной облицовки. Перс метнул её, попал точно по носу крокодилу, который собрался разинуть чудовищную пасть. Рептилия зарычала утробно, попятилась. Ахеменид бросился к ней, схватил кусок мрамора, принялся лупить зверюгу по голове. Не дожидаясь реакции крокодила, Арсам перепрыгнул через него и бросился бежать по улице.

– Стой! Нельзя так обращаться со священными животными! – остановил его резкий оклик.

– Пусть лучше он меня сожрёт? – огрызнулся Ахеменид.

– Очистительная жертва прекрасна! – сладко улыбнулся двойник Арсама.

– Опять ты?!

– Всегда я, человек не может отделиться от своей судьбы.

– Тогда исчезни и веди себя скромно, как все остальные нормальные судьбы, – посоветовал родственник персидских царей.

Казалось, незнакомец задумался над предложением, почесал нос, спросил лукаво:

– А может, ты есть хочешь?

Арсам хотел съязвить, что уже научился питаться крокодилами, но он умел говорить только правду и выпалил:

– Да, хочу! Готов сам сожрать всех ваших священных животных.

– У нас и не священных полно, – легкомысленно заметил повелитель судьбы.

– Так идём быстрее.

Два Арсама свернули к ближайшему дому, через узкую дверь прошли в полутёмное помещение. Перс жмурился, привыкая к отсутствию яркого солнца.

– Ничего не вижу!

– Тогда нюхай!

Ахеменид потянул носом воздух, полный дурманяще-аппетитных запахов жареного мяса, приправ, винограда, фиников и свежих лепешек. Голодный перс слотнул слюну.

– Хватит дразнить! Где эти все лакомства?

– Да вот же! – повёл рукой Шаи.

Арсам потер рукой глаза; освоившись в полутьме, проследил за движением своего двойника и с удивлением обнаружил, что они стояли посередине большой комнаты, ближе к стенам которой было расставлено множество небольших резных столиков. Возле каждого располагалась пара изящных кресел с высокими подлокотниками и спинками. Их тонкие ножки опирались золочёными львиными лапами на разбросанные по полу циновки. Между ними красовались высокие из чёрного или синего сланца и светлого мрамора вазы. Каждый столик был заставлен посудой с дымившимися горячими блюдами и корзинами, полными фруктов.

– Ты ждёшь ещё гостей? – спросил перс.

– Нет, это всё для нас, – охотно ответил Шаи.

– Зачем тогда понадобилось столько столов?

– Египтяне всегда накрывают все столы, когда готовят так много угощений.

– А им не приходит в голову, накрыть один большой стол?!

– Здесь вообще нет таких столов.

– И когда собирается много гостей, все так и сидят парочками? – не переставал удивляться перс.

– Здесь так принято, а ты-то – собираешься приступить к еде, или так и будешь приставать с расспросами?! – раздражался Арсам-бог.

Проголодавшийся Арсам-человек не стал тянуть время, быстро подошёл к ближайшему столику, уставленному всевозможными мисками, мисочками и блюдами. Ахеменид набросился на еду, не заботясь о том, что второй Арсам снисходительно наблюдал за ним. Только ощутив приятную сытость и запив всё вином, он стал критически осматривать столовую утварь.

Хотя вся посуда была сделана из золота, она не отличалась ни сложностью отделки, ни богатством деталей.

– Далеко вашим мастерам даже до обычных ремесленников в Персии.

– Опять ты недоволен, – поморщился властелин судьбы.

– Можно подумать, ты стараешься сделать так, чтобы я всем был доволен! И, правда, зачем это тебе?!

– Честно говоря, я ведь бог доброй судьбы.

– Добрый? – удивился Арсам. – Странное у тебя понятие о доброте и счастье: то в пустыне жжёшь, то крокодилами травишь.

– Тут ты не прав, подумай хорошенько, – невозмутимо рассуждал Шаи, – был ли ты когда-нибудь счастлив настолько же, как в прохладном бассейне?

– Нет, вроде бы, – задумался перс, – но такой ценой...

– Какая разница, самое сильное счастье происходит только после горестей и испытаний.

– Тебе следовало стать богом Мудрости.

– Учеными-теоретиками занимается другой бог.

– А ты значит практик. Неужели все эти скитания по пустыне понадобились мне только для того, чтобы с удовольствием искупаться? – не верил Ахеменид.

– Не я всё это начал, ты сам виноват! Обидел злопамятного Бэса, и тот попросил Сета тебе отомстить. Повелитель пустынь забросил тебя в мёртвую Ливийскую пустыню, откуда люди не возвращаются.

– А как же город?

– Это Таид – город, которого никто не может найти.

– Так уж и не может?! – усомнился перс. – Я же нашёл.

– Вот и удивительно, как тебе это удалось. Таид – город Богов. В незапамятные времена Таитет-ткачиха, соткала волшебное полотно и отпустила по ветру, оно опустилось в ливийской пустыне, и возник на нём город Таид. Полюбился он богам верхнего и нижнего Нила, стали они в нём собираться. Но когда налетает сильный ветер, подхватывает он полотно Таитет и уносит на другое место вместе с городом. Смертные не могут ни найти, ни увидеть волшебный Таид, – закончил свой торжественный рассказ Шаи.

– Похоже, это касается только египтян, раз уж я здесь, – гордо произнёс родственник персидских царей.

– Мне не ведомо, как могло это случиться, – произнес Бог доброй судьбы, – но тебе лучше забыть всё, что было.

– Иначе говоря, притвориться, что ничего не было? – переспросил честный зороастриец.

– Знаю, знаю, что врать ты не умеешь. Просто молчи, молчи как рыба.

Арсаму показалось, что он и на самом деле не может произнести ни слова. Пространство вокруг него заколыхалось.

Глава шестая НОВАЯ ЖИЗНЬ

– Опять! – громко воскликнул он и удивился, что слышит свой собственный голос.

Стены комнаты резко раздались и исчезли. Вокруг больше не было города Богов, не было ни зверей, ни странных существ. Перед Ахеменидом снова лежала дорожка через поля, покрытые зеленью всходов, а впереди уже были видны постройки владения номарха. Арсам искал взглядом прекрасную Анахит, но он был один.

– Жаль, что она тоже была виденьем, – вздохнул влюблённый.

А тому, что рядом не было ни Шаи, ни уродливого беса, Ахеменид только порадовался. Он уверенно направился к поместью Херихора. По-прежнему ещё не особенно представляя, что он скажет, чем оправдает свое отсутствие и неповиновение.

«Надсмотрщики уже давным-давно вернулись и расписали всё в самом ужасном свете, – размышлял он, – да, не вовремя меня угораздило пропасть на три дня».

Войдя в ворота поместья, он был ошарашен, когда понял, что во владении номарха его долгой отлучки даже не заметили. Херихор, точно как в прошлый раз прогуливался по двору со своей палкой, встретил перса с мёртвым спокойствием.

– Хвала Богам! Ты не опозорил меня своим дурацким побегом. Вернулся. Ценю. Только не рассчитывай на особое отношение, – разорвался Херихор, забыв, что перс всё равно не поймет его.

Не представляя себе, как теперь ему лучше вести себя с хозяином, Арсам решил всё принимать как должное.

– Почему не споришь? – удивился Херихор.

– А надо? – усмехнулся Ахеменид, поняв его благодаря наставлениям Анахит.

Номарху так хотелось проявить всю полноту своей власти, может быть, покричать, покомандовать, но этот невозможный иноземец вечно лишал его всякой солидности. Херихор набрал в грудь воздуха, собрался сказать что-то веское, шумно выдохнул и промолчал.

– Так я пойду? – спросил Арсам, не заботясь о том, чтоб хозяин смог понять его слова.

– Иди... – озадаченно отозвался номарх.

Но уже когда перс подходил к отведённому ему строению, Херихор спохватился, крикнул в след:

– Надсмотрщики здесь уже четверть часа, где ты болтался?

– Где я только ни болтался, – устало вздохнул Арсам, не удостоив хозяина даже поворотом головы.

Иногда ему казалось, что он прекрасно понимал египетский или просто сказанные с такой интонацией слова хозяина не могли означать ничего другого.

Пустая сумрачная комната с голыми стенами с двумя уродливыми столбами показалась ему приятной и уютной.

– А ведь прав Шаи: только после тяжких испытаний чувствуешь настоящую радость.

Хенуу с наслаждением опустил на свою циновку, на прохладном полу вытянул ноги.

– Хорошо! Давненько я так сильно не уставал. Номарх что-то говорил о четверти часа, получается – моих скитаний по пустыне вовсе не было? Так, сон, наваждение? Нет! Не может быть! Всё было таким настоящим! И вода, и крокодил... как я его долбил той плитой.

Арсам улыбнулся воспоминанию, но сразу нахмурился:

– Только всё остальное точно не было реальным и нормальным, сплошные демоны Ахримана! К дурацким головам я уже начинаю привыкать, но второй Арсам – это слишком! Привидится же такое! Кто там на меня обиделся? – старался припомнить, уже засыпая.

Пробуждение было приятным. Ещё не открыв глаз, он почувствовал знакомый аромат душистых масел.

– Анахит... – прошептал он и поспешно сел на своей циновке.

Арсам проспал долго, и на мир уже успела опуститься темнота. Женщина держала в руке горящую лампу, золотое сияние освещало её лицо, делало Анахит ещё прекрасней. Перс любовался её большими тёмными глазами, подведёнными густо-зелёным малахитом, стрелами длинных ресниц, нежной, как молодой персик, кожей. Женщина заговорила, но влюблённый не разобрал слов, слушал её голос, как журчание ручья. Её рассердила его блаженная улыбка, она нахмурила густые брови.

– Ты меня слушаешь?! – возмутилась жена Херихора.

– А... что?..

– Мой муж очень сердит на тебя!

– Я видел.

– Он не смог этого объяснить тебе. И послал меня, чтобы я сказала, чтобы ты больше никогда не вёл себя, как... – замялась она.

– Как свободный человек и хозяин? – подсказал Ахеменид.

– Ну... да, ты же обещал...

– Да я просто понять не могу, – развёл руками перс, – эти ваши дурацкие порядки, такое впечатление, что вы боитесь друг друга просто по привычке.

– В чём-то ты прав, мы действительно живём по давно заведённым правилам и никогда ничего не меняем.

– Это ужасно! Дурацкие правила, дурацкие обычаи; кажется, в этой стране ничего не меняется уже сто лет!

– Гораздо дольше, – вздохнула женщина, – но в этой стабильности есть своя прелесть!

Ты привыкнешь, поймёшь

– Не хочу я понимать! – возмутился Ахеменид. – Я, потомок Кира великого, не останусь здесь надолго! Здесь как будто все спят и видят дурной сон!

– Почему дурной? – удивилась женщина.

– Только в дурных снах можно волоком тащить каменные глыбы и приносить жертвы разным уродам!

– Не оскорбляй местных Богов, – шёпотом предостерегла Анахит, – они рассердятся!

– Уже сердятся! Пусть себе сердятся сколько угодно! – самонадеянно заявил Арсам. – Они вовсе не боги, только демоны. Их создал Ахриман, чтобы сражаться с Ахура Маздой, но человек сильнее их!

– Здесь боги Египта всеильны.

– Видел я их силы, – усмехнулся Арсам.

– Когда ты так говоришь, мне становится страшно, – призналась Анахит.

– Так ты боишься за меня?

– Да... – выдохнула она и потупилась.

– Тогда я люблю эту страну и всех этих богов! – счастливо улыбнулся влюблённый.

– Пообещай мне, – попросила женщина, – больше не злить ни богов, ни номарха.

– Я, честно, постараюсь, – прижал руку к сердцу перс, – но они все так неожиданно обижаются и злятся.

Анахит поставила на пол возле Ахеменида каменную статуэтку:

– Пока ты в моём доме, пусть этот Бог домашнего очага защитит тебя, мне так будет спокойнее, – быстрым шёпотом произнесла она и поспешно вышла, оставив рядом с фигуркой лампу.

Влюблённый проводил её нежным взглядом, прислушиваясь к звуку её лёгких шагов, и, только когда они стихли, перс посмотрел на нового защитника, – маленькая фигурка оказалась сладко улыбающимся карликом.

– Опять Бэс! – сплюнул Ахеменид.

Он снова разлётся на своей циновке, но сон не шёл к нему. Его раздражало неотступное внимание каменного берега. Казалось, что Бэс не сводит с него своих хитрых круглых глаз.

– Была б моя воля – вышвырнул бы тебя куда подальше! – обратился перс к карлику. – Да твоя хозяйка мне слишком дорога.

Он подошел и просто повернул фигурку к стене. Но не успел Ахеменид вернуться к своей циновке, пристроить свой свёрнутый халат под голову и блаженно потянуться, как заметил хитрый прищур египетского божка. Фигурка опять стояла на прежнем месте и ехидно улыбалась Ахемениду. Арсам повторил маневр, и мгновение спустя он снова увидел ехидного Бэса.

– Ты что, издеваешься?! – воскликнул он.

– Я здесь, чтобы следить за порядком, – скрипучим голосом объяснил божок.

– Здесь всё в порядке, – заверил перс, – можешь отдохнуть и оставить меня в покое!

– Теперь не могу, мне тебя поручили.

– Тогда охраняй вход, – нашёлся персидский воин, – чтоб ничего не случилось.

Хитрость удалась, и уродливый божок сам собой повернулся к двери. Арсам вздохнул с облегчением, однако скоро заскучал и снова обратился к Бэсу:

– Эй, а ты уже перестал дуться или мне ждать новых неприятностей?

– Я не злопамятный, а теперь и вовсе нельзя.

– Выходит, нам надо дружить?

– Выходит, – недовольно согласился хранитель очага, – только ты мне всё равно не нравишься!

– Какая досада! – усмехнулся Ахеменид. – Это почему же?

– Ты задумал зло, – Бэс собрал низкий лоб в тяжёлые складки, – ты задумал зло нашему хозяину.

– Херихору? – уточнил Арсам.

– Хозяину дома, главному жрецу – Херихору.

– Да, – рассмеялся перс, – старик на меня очень обидится, зато хозяйке будет хорошо.

– Хозяйке служит моя жена.

– Похожая на тебя?

– Да, – гордо кивнул Бэс.

– Бедняга, но ты ведь её любишь?!

– Очень.

В голосе карлика послышалось тепло и нежность. Его ужасная внешность преобразилась.

– Значит, она счастливая, – вздохнул Арсам.

– В любви я подсобить не могу, – солидно произнес защитник очага, – но хозяйка доверяет жене свои сердечные тайны; скажу по секрету – ты ей симпатичен.

– Неужели Анахит разговаривает с ней, точно так же, как мы?

– Не совсем, – засмеялся Бэс, – хозяйка говорит, а моя Бэсит внимательно слушает.

– Ну да, вы же каменные, – вспомнил Ахеменид, – осталось понять, отчего я с вами общаюсь, – вздохнул перс.

– Такими тайнами я не ведаю, спроси у кого-нибудь другого.

– Например, у Осириса, – буркнул Арсам.

– Осирис один из главных богов, хозяин загробного мира.

Ахеменидом завладела страшная мысль, холодом скользнула по спине:

«Может, я уже умер? И всё, что происходит в последнее время, – чудеса загробного мира...»

Арсам смолк, глубоко задумался. Бэс только этого и ждал, не желая продолжать разговор с этим назойливым смертным. Он разом окаменел и утратил малейшие признаки своей недавней активности. Перс даже не смотрел на него, погружившись в невеселые размышления:

«Выходит, я всё-таки утонул! Ведь именно тогда всё началось! Сперва были огромные быки из Экбатан, – вспоминал он. – Странно: одно и то же имя Шеду у нас и у египтян означает совсем разное; вот бы дома посмеялись, если б я рассказал, что здесь Шеду не крылатый бык, а маленький мальчик с луком».

Перс улыбнулся, и, будучи оптимистом, сделал весьма своеобразный вывод:

«Если я мёртв и всё вокруг нереально, значит, здесь мне уже ничего не грозит! Можно творить всё, что захочется!»

Ахеменид резко вскочил на ноги, подхватил свой халат, встряхнул, чтобы расправить и воскликнул:

– Раз так, пойду искать Анахит!

Набросив халат, он выскользнул из своей каморки, не заметив ужаса, искажившего лицо каменного карлика. На этот раз ночь была прекрасна и светла под лукавым оком молодой луны. Были отлично различимы все постройки в имении номарха, но их одинаково ровные кубики перса не заинтересовали. Он сразу направился к центральному зданию возле бассейна, украшенному четырьмя колоннами без привычных Ахемениду пышных пилястр. Весь двор был расчерчен чёткими чёрными тенями. Воинственный Арсам смело скользил между ними. Когда он уже оказался возле крайней колонны, из дома донесся какой-то шум; перс замер, скрывшись в плотной тени. Он увидел, как единственная расположенная сбоку дверь отворилась, показалась фигура женщины; влюблённый с восторгом узнал в ней Анахит. Она долго стояла, задумчиво глядя на резные верхушки пальм, подсвеченные таинственным лунным сиянием. Усталым жестом поправила волосы, пошла к бассейну. Влюблённый решился перехватить её:

– Анахит, – тихо позвал он, не желая напугать женщину.

Она вздрогнула, обернулась, возмутилась:

– Что ты здесь делаешь?! Ты должен...

– Я вдруг понял, – признался Арсам, – что совсем ничего не должен!

– Как это? – очень удивилась Анахит.

– Ведь мёртвые уже никому ничего не должны!

– При чём здесь мёртвые?

– Это я мёртвый! – заявил Ахеменид.

– О, Боги! – испугалась женщина.

Новоиспеченный покойник счастливо улыбался.

– Я всё понял, я помер уже давным-давно! Утонул вместе с остальными солдатами и гребцами.

Дочь Мидии смотрела на него с ужасом.

– Что ты говоришь?! О чём ты?!

Воодушевлённый, Арсам шагнул к ней.

– Я уже отлично знаком с вашим шакалоголовым...

– Анубисом? – ужаснулась Анахит.

– Не только с ним.

– Как? Когда?

– В самом начале, как только к вам попал, долго шастал между вонючих озёр за каким-то беднягой. Он ещё бормотал странную белиберду.

– А ворота там были?

– Двое или трое.

– Это точно Дуат! – ахнула жена Херихора. – Твоё сердце взвешивали на весах?

– Взвешивали, только не моё, – легкомысленно ответил перс, не понимающий её страха, – меня выгнали.

– ...Выгнали? – совсем растерялась Анахит. – Но кто?

– С ним я ещё не знаком, – отмахнулся Ахеменид, – этакий великан с пожаром на голове.

– Нельзя так говорить о богах! Они отомстят!

– Да нет, они вовсе не такие злобные ребята.

– Откуда тебе знать! Мой муж – верховный жрец – регулярно общается с богами, и ему известен их суровый нрав.

– Может, они только к нему суровы? – лукаво сощурился перс. – Мне, например, он тоже не нравится!

– Ты всё шутишь. Совершаешь поступки, совсем не заботясь о завтрашнем дне. У нас говорят, что ты не идёшь шагами Ибиса.

– При чем тут Ибис?

– У египтян Ибис считается очень мудрой птицей. Они давно заметили, что он не сделает ни шагу, хорошенько не рассмотрев куда, наступает.

– Да, это точно не про меня. Я и при жизни-то не был осторожным, а теперь и бояться нечего.

Анахит грустно покачала головой.

– Плохое оправдание безрассудству. Одни боги ведают, откуда к тебе приходят такие странные сны и про Дуат, и про местных богов, но ты точно ещё не в мире мёртвых. Ведь мы все вокруг живы и абсолютно реальны.

Женщина тяжело вздохнула.

– Извини, я всё о себе. Муж тебя обижает?

Красавица брезгливо одёрнула рукой, как кошка, наступившая в воду. Бросила раздражённо:

– Херихор тряпка, он всего боится.

– Даже тебя? – удивился перс.

– И меня, и всех вокруг. Порой я удивляюсь, почему боги создали его человеком, а не крысой.

– Он тебе так неприятен?

– Я к нему привыкла, – вздохнула дочь Мидии.

– Когда в Египет войдут персы, я избавлю тебя от него.

В ответ на хвастливые обещания Ахеменида женщина только загадочно улыбнулась. Влюблённый счёл эту улыбку добрым знаком, он решил подойти, взять её за руку, Анахит руки не отняла...

– А-а-а!

Перс резко обернулся на крик. На пороге дома номарха стоял Херихор, он размахивал руками, лицо исказила отвратительная гримаса ужаса, возмущения, обиды и ярости. Его истеричный вопль сменился потоком слов коротких и грубых, как приказы или ругательства. Номарх подскочил к Анахит, схватил жену за руку, дёрнул к себе, толкнул в дом, она легко подчинилась. Арсам не решился остановить её силой. Он только проводил долгим взглядом и вовсе не заметил, как вокруг набегали верные слуги Херихора. Они все были вооружены тесаками – топорами странной формы. Перс впервые видел египетское оружие. В свете луны наточенный металл красновато блеснул. Арсам был воином, не растерялся ни на секунду. Он, готовый сражаться, но совсем безоружный, вынужден был отступить к одной из колонн. Вокруг не оказалось ничего подходящего: ни палки, ни доски, ни камня. Оставалось драться голыми руками. Ахеменид вспомнил старую хитрость и кубарем бросился под ноги нападавшим. Сразу двое египтян повалились на землю. Один из них выронил свой тяжёлый тесак. Перс подхватил его, вскочил на ноги. Теперь слуги номарха медлили, не нападали, несмотря на своё боль-

шое численное превосходство. Они вшестером старались окружить иноземца. Арсам с угрозой покрутил в руке неудобное чужое оружие.

– Ну же, смелее, кто первый хочет стать дровами?!

Египтяне не поняли ни слова, но надменный, уверенный вид противника напугал их больше угроз. Никто не двинулся с места. Херихор старался подтолкнуть своих людей, кричал что-то гортанное и возмущённое. Казалось, он сам готов ринуться в бой, только кто-то невидимый удерживает его за шиворот. Зато он делал страшное лицо, выкатывал глаза и скрежетал зубами.

– Смотрите, как мучается человек. Помогите хозяину! – злорадно бросил Ахеменид.

Его весёлость ещё больше взбесила номарха. И он рывкнул на слуг так, что они разом ринулись на иноземца. Ловкий, как кошка, Арсам отбивал все удары. В пылу боя ему казалось, что ночь ярко освещена красным огнем. Он совсем потерял из виду Херихора и вспомнил о нём только тогда, когда, зло шурша, воздух рассекла стрела и впиалась ему в плечо.

– Мазила! – вырвалось у перса.

Номарх, метивший противнику в голову, с досады бросил лук, поспешно ушёл в дом. Разгорячённый бешеной дракой, Арсам вырвал стрелу, бросил под ноги. Плечо залила горячая кровь. Как только номарх ушёл, его слуги разом перестали нападать и отступили от раненого, но, вполне заслуженно опасаясь его, замерли в воинственных позах, выставив вперёд свои топоры. Перс обвёл их взглядом исподлобья, как затравленный зверь. Он тяжело дышал, но был ещё полон сил. Трусливое отступление египтян разозлило Ахеменида.

– Трусы! – крикнул он, забыв, что осторожные слуги Херихора всё равно не поймут оскорблений. – Трусливые крысы! Ну, нападайте же!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.